

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

На правах рукописи

УДК:809.27-1/.8

ББК:81.2-5

Ю:-31

ЮЛДАШЕВА КАРИНА ИРКИНОВНА

**ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

5А 120102 – Лингвистика

**Диссертация написана для получения
Академической степени магистра**

Научный руководитель:

к.н.н. Исмаилова Ю.А.

Магистрская диссертация Юлдашевой Карины Иркиновны состоит из 3 глав. В первой главе рассматривается анализ словообразовательных моделей прилагательных в арабском языке.

Во второй главе изучаются особенности прилагательных цвета и физического признака в арабском языке.

Во третьей главе исследуются прилагательные цвета и физического признака сточки зрения выделения прилагательных в арабском языке.

ТАШКЕНТ 2012

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

- 1.1. Проблема выделения прилагательных в языках мира в сравнительно-историческом аспекте
- 1.2. Проблема выделения прилагательных в арабском языке
- 1.3. Морфологический критерий
- 1.4. Степени сравнения в арабском языке
- 1.5. Синтаксический критерий

ГЛАВА II. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА И ФИЗИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

- 2.1. Особенности семантики рассматриваемых прилагательных
- 2.2. Имена, образованные по сходным моделям
- 2.3. Проблемы двухпадежности
- 2.4. Морфологические варианты рассматриваемых прилагательных
- 2.5. Другие именные модели со схожей семантикой
- 2.6. Особые субстантивированные модели со схожей семантикой
- 2.7. Особы глагольные формы для корней со значением цвета и физического признака

ГЛАВА III. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА И ФИЗИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

- 3.1. Образование степеней сравнения у рассматриваемых прилагательных

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы и степень ее изученности. В последнее время наука все чаще обращается к проблеме выделения частей речи в различных языках. Ситуация с прилагательными, возможно, один из самых важных вопросов в современной теории и типологии частей речи. Для того чтобы выделить прилагательные как часть речи, следует подробно описать имеющиеся в языке их морфологические и синтаксические особенности.

В 1991 году после обретения Узбекистаном независимости перед страной открылись большие возможности в решении экономических, социальных, политических и многих других вопросов. Не остался в стороне и язык, так как он является одной из составляющих нашей культуры. Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов в своей книге пишет: «Чтобы осознать себя как нацию, возродить национальную государственность в новой форме, интегрироваться в мировое сообщество в условиях глобализации следует вернуться к истокам нашей культуры, воспринять и развить все лучшее, что есть в нашем богатейшем историческом прошлом»¹.

Мы хотим, подчеркивает Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, чтобы наша культура, опираясь на богатейшее историческое наследие, синтезировала все передовые достижения культур Востока и Запада².

К именному словообразованию в арабском языке разные ученые обращались весьма часто, но прилагательные, как правило, разбирались в контексте имен, и все словообразовательные модели были в той или иной степени привлечены к исследованию. Однако отдельно прилагательные с точки зрения их отличия от других имен арабского языка не рассматривались. Тем более что до этого времени задача выделить особые

¹ Каримов И.А. Родина священна для каждого. Кн.3. – Т.: «Узбекистан», 1996. – С.6.

² Там же.

словообразовательные модели имен прилагательных не ставилась на повестку дня.

Проблема цвета и цветообозначений привлекала внимание различных ученых, начиная с античных философов Демокрита, Аристотеля, Платона, Галена и других в рамках изложения их метафизических представлений о мире. Этой же проблеме была посвящена знаменитая работа И.Ньютона «Оптика». Внимание западных лингвистов проблема цветообозначений привлекла в девятнадцатом веке. Здесь нужно отметить работу У.Глэдстона, в которой он исследует наименования цвета в языке древнегреческого философа Гомера³.

Работы, посвященные проблеме цветообозначений в семитских языках, появились лишь в 60-70-е гг. XX в. и касаются только мертвых языков - аккадского и древнееврейского⁴.

Специальных исследований, посвященных диахронному аспекту семитских цветообозначений, до настоящего момента так же не проводилось. Хотя в вышеупомянутых работах Лансбергера, Гадволя и Фишера широко привлекается этимологический материал, их замечания о цветообозначениях прасемитского языка носят случайный характер. Диссертационное исследование Г.А.Дурново «Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке (с привлечением сравнительного материала семитских языков)⁵» рассматривает, прежде всего, морфологические особенности данной лексики в арабском языке. Хотя Дурново рассматривает материал других семитских языков, он не предпринимает попыток реконструкции на прасемитском уровне некоторого морфологического показателя, маркирующего прилагательные с семантикой цвета. Поскольку в настоящем исследовании проводится реконструкция прасемитских корней, а не лексем, мы не пытались подтвердить или опровергнуть предположение

³ Gladstone. Studies on Homer and the Homeric Age, 1858.

⁴ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965;

⁵ Дурново Г.А. Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке (с привлечением сравнительного материала семитских языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2011.

Дурново. Вместе с тем, мы воспользовались материалом, собранным в его работе, в частности, примерами употребления прилагательных цвета в арабском языке.

Цели и задачи диссертации. В настоящей работе мы уделяем особое внимание одной специфической для арабского языка модели – прилагательным цвета и физического признака, которые отличаются от других имен арабского языка не только семантическим, но и морфологическим. Эту группу прилагательных ученые рассматривали и ранее, однако целью нашего исследования является изучение их в связи с проблемой выделения прилагательных в арабском языке, арабского словообразования, арабского словоизменения, арабского синтаксиса, семантики, сравнительного материала семитских языков и сопоставления фактов арабского языка с аналогичными ситуациями в других языках мира. Мы не ставим себе цели решить проблему выделения прилагательных в арабском языке. Наша задача – понять, какое место среди арабских имен занимает указанная выше группа прилагательных. Это понимание, по всей видимости, должно приблизить нас и к пониманию проблемы прилагательных и словообразовательных подклассов в арабском языке.

Источники исследования. Для анализа различных синтаксических функций, в которых могут выступать арабские прилагательные, мы использовали тексты Корана и арабской доисламской поэзии (примеры взяты, в основном, из словаря Полосина В.В. «Словарь поэтов племени ‘абс VI-VIII вв.»⁶), поскольку в работе в первую очередь исследуется материал классического литературного арабского языка. Толкование конкретных прилагательных приводится главным образом по арабско-французскому словарю А. де Биберштейна-Казимирского⁷. Нами также были привлечены к исследованию словари Баранова Х.К. «Арабско-русский словарь»⁸, а также Кадырова Т.Ш. «Краткий арабско-узбекско-русский тематический словарь

⁶ Полосин В.В. Словарь поэтов племени ‘абс VI-VIII вв. М., 1995.

⁷ Dictionnaire arabe-franzais de A. de Biberstein-Kazimirski. T. I. Paris, 1846. T. II. Paris, 1860.

⁸ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Под редакцией Костина В.А., М., 2005.

наименований профессий и некоторых прилагательных»⁹. Автор словаря, являющийся первым кратким словарем такого типа и охватывающий более тысячи слов и выражений, использующихся в современном арабском литературном языке и касающихся различных сфер жизни отмечает, что во многих учебниках арабского языка, опубликованных на узбекском, русском языках даны сведения об этих именах, однако они не превышают двух или трех тем¹⁰. При описании различных словообразовательных моделей в арабском языке мы опирались также на различные работы известных востоковедов по морфологии арабского и семитских языков.

Методология исследования. Работа основана на достижениях современной отечественной и зарубежной арабистики. Среди важнейших работ арабистов, использованных нами, следует, прежде всего, отметить труды известных востоковедов Н.В.Юшманова¹¹, Б.М.Гранде¹². Большинство положений, связанных с арабской и семитской морфологией и словообразованием, взяты нами также из работ зарубежных авторов конца XX века, таких как свод трудов по арабской филологии, составленный группой немецких ученых¹³, диссертация Дж.Ц.Фокса, посвященная именным моделям в семитских языках¹⁴, сборник кратких грамматических очерков семитских языков под редакцией Р. Хетцрона¹⁵ и др. Выводы, касающиеся существования класса прилагательных в арабском языке, сделаны, в частности, на основании разработок когнитивной типологии и современных взглядов на прилагательные и части речи в целом, изложенных, например, в сборнике «Части речи. Теория и типология»¹⁶; в монографии У.Крофта¹⁷; в учебнике В.А.Плунгяна¹⁸. Кроме того были привлечены работы

⁹ Кадыров Т.Ш. Краткий арабско-узбекско-русский тематический словарь наименований профессий и некоторых прилагательных. Т., 2011.

¹⁰ Там же. стр. 9-10.

¹¹ Юшманов Н.В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М., 1998.

¹² Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998.

¹³ Grundriss der Arabischen Philologie. Wiesbaden, 1982.

¹⁴ Fox J.T. Noun patterns in the Semitic languages. Cambridge, Massachusetts, 1996.

¹⁵ The Semitic Languages, ed. R. Hetzron. London - New York, 1997.

¹⁶ Части речи. Теория и типология. М., 1990.

¹⁷ Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago, 1991.

арабских авторов, таких как Аббас Хасан¹⁹, Шейх Мустафа аль-Галайини²⁰, Имад Хатим²¹, Антуан Дахдах²², Фуад Неъмат²³ и другие.

Научная новизна диссертации. Как уже указано выше, настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть словообразовательные модели прилагательных арабского языка со всех возможных точек зрения. Прилагательные цвета и физического признака рассматривались и ранее, но лишь в контексте описания словообразовательных моделей всех имен арабского языка. Существует монография В.Фишера²⁴, посвященная этим прилагательным. В настоящей диссертации мы неоднократно обращались к работе В.Фишера, поскольку в ней подробно описываются другие именные, а также глагольные модели в арабском языке с подобными значениями. Однако в указанной монографии основное внимание все же уделяется семантике рассматриваемых нами прилагательных, в то время как нашей целью в первую очередь является описание морфологических и словообразовательных, а также некоторых синтаксических особенностей моделей прилагательных.

Практическая значимость работы. Некоторые выводы исследования могут использоваться в теоретической и практической грамматике арабского языка (в первую очередь, в разделах, посвященные именовому словообразованию и ситуации с частями речи в арабском языке), при изучении истории арабского языка, арабской лексикографии, а также при исследовании сравнительной морфологии семитских языков.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Первая, наиболее объемная глава посвящена собственно проблеме выделения имен прилагательных в арабском языке и сопоставлению ее с

¹⁸ Плуноян В.А. Общая морфология. М., 2000.

¹⁹ عباس حسن. النحو الوافي. القاهرة، دار المعارف بمصر، ١٩٦٠

²⁰ الشيخ مصطفى الغلاييني. جامع الدروس العربية. موسوعة في ثلاثة أجزاء، بيروت، دار الكتب العلمية، ٢٠٠٠

²¹ الدكتور عماد حاتم. اللغة العربية. قواعد و نصوص. طرابلس، ١٩٨٢

²² أنطوان الدحداح. معجم قواعد العربية العالمية. مكتبة لبنان. بيروت، ١٩٩٢

²³ فؤاد نعمة. ملخص قواعد اللغة العربية. القاهرة، ١٩٨٩

²⁴ Fischer W. Farb - und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965.

ситуацией в языках мира, в ней также исследуются морфологические и синтаксические критерии, по которым выделяются указанные прилагательные. Кроме того в этой главе рассматриваются особенности семантики рассматриваемых прилагательных и их морфологических вариантов.

Во второй главе исследуются особые глагольные формы для корней со значением цвета и физического признака.

Третья глава посвящена образованию степеней сравнения у рассматриваемых прилагательных.

Работу завершают заключение, в котором полученные данные сводятся в единую систему, а также список использованной литературы.

ГЛАВА 1. АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1 Проблема выделения прилагательных в языках мира в сравнительно-историческом аспекте

Очевидно, что данный вопрос актуален не только для арабского языка. Выделение прилагательных является общезыковедческой проблемой. Она является одной из важных составляющих выделения частей речи в языках мира. В случае с прилагательными очевидным вопросом для различных языков является их морфологическое отличие от существительных или глаголов, а также их специфические синтаксические позиции. В статье Лингвистического энциклопедического словаря «Прилагательное» Е.М.Вольфа справедливо указывается, что прилагательное «как часть речи не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специфированный по сравнению с другими морфологическими синтаксическими классами. Во многих языках имя прилагательное не выделяется как отдельная часть речи, имеющая свои морфологические или синтаксические характеристики»²⁵. Применительно к выделению прилагательных часто говорят о трех основных типах языков: «адъективные» (в которых прилагательные являются самостоятельной частью речи, к ним относится, например, английский язык, многие агглютинативные языки, к ним примыкает и русский язык), «глагольные» (в которых прилагательные являются подклассом глаголов, это многие языки Юго-Восточной Азии, Африки, Северной Америки, некоторые дагестанские языки) и «именные» (в которых прилагательные являются подклассом имен, таков, например, латинский язык и другие классические индоевропейские языки)²⁶. К ним относится и арабский язык.

²⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, стр. 397.

²⁶ Плулунган В.А. Общая морфология. М., 2000. стр., 243.

Здесь сосредоточен один из пунктов столкновения противоположных направлений в определении частей речи – грамматического (или морфологического), лексико-грамматического, синтаксического, семантического. Взгляд на части речи как на исключительно грамматические классы слов (его представляла, например, московская лингвистическая школа Ф.Ф.Фортунатова) на протяжении двадцатого века неоднократно оспаривался – утверждалось, что определенных морфологических признаков для выделения частей речи недостаточно, части речи должны быть характеризованы и по семантике, и по формальной стороне (такой взгляд разделяла, например, ленинградская лингвистическая школа, последователи И.А.Бодуэна де Куртенэ). Дескриптивисты (Л.Блумфилд, и вслед за ним Дж.Гринберг, Г.Глисон) классифицировали слова в первую очередь по синтаксическим свойствам.

Некоторые лингвисты утверждали, что следует объединить морфологический и синтаксический подходы: в таких концепциях, с одной стороны, предполагается, что прилагательные «выделяются в тех [языках], в которых их основная синтаксическая функция выражения атрибутивных отношений получила свое формальное отражение в самой данной лексической группировке»²⁷. Но в некоторых языках трудно опираться на морфологические признаки, и приходится гораздо большее внимание уделять контексту, синтаксическим функциям. Так, например, в самодийских языках (за исключением селькупского), согласно Г.Н.Прокофьеву, прилагательное можно выделить только синтаксически – в этих языках нет специальных адъективных показателей, нет согласования определения с определяемым, сравнительная степень может быть образована от любой именной и даже глагольной основы. Подобная ситуация наблюдается в монгольских и тюркских языках. В английском языке широкое употребление т.н. «атрибутивных существительных» и отсутствие специальных показателей

²⁷ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Москва-Ленинград, 1945, стр. 218.

для прилагательных также размывают грань между классами имен²⁸. В описаниях таких языков прилагательные нередко включаются в класс имен, но называются прилагательными, когда речь идет об их значении и синтаксических функциях. Здесь следует заметить, что даже для языков, в которых четко различаются существительные и прилагательные, по-видимому, можно выделить древний исторический период, когда эти части речи не дифференцировались – примером тому факты индоевропейских языков: общие формы именного склонения, общность именных основ, почти полное отсутствие у прилагательных специфических для них словообразовательных суффиксов общеиндоевропейского происхождения, кроме суффикса принадлежности, свобода образования степеней сравнения, способность прилагательных к субстантивации и существительных к адъективации и пр. Не случайно и античные школы не выделяли прилагательное как отдельную часть речи, включая его в класс имен и считая морфологические различия между существительным и прилагательным периферийными²⁹.

В конце 1960-х годов в языкознании выделилось направление, представители которого считали, что для выделения частей речи для всех языков важна только семантика – то, что называется общеграмматическим значением. Наиболее ярким идеологом этой теории считается О.П.Суник, который замечал, что «существенным признаком прилагательного любого языка, в котором оно, так или иначе установлено, является его общеграмматическое значение признака предмета, но признака не действенного, не процессуального, а статического, недейственного, что и отличает прилагательное от глагола. Дифференциальным признаком, по которому эти две родственные части речи отделяются одна от другой, служит, как известно, грамматическая категория времени, свойственная глагольным словам, но не свойственная, ни прилагательным, ни словам из

²⁸ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Москва-Ленинград, 1945, стр. 210.

²⁹ Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи. // Части речи. Теория и типология. М., 1990, стр. 7.

других частей речи»³⁰. Общеграмматическим (или лексико-грамматическим) значением слова О.П.Суник называет значение, соответствующее определению той части речи, к которой относится данное слово. Таким образом, некоторые глаголы различных языков могут иметь лексическое значение признака (как, например, арабские глаголы девятой или одиннадцатой породы со значениями **أحمر** «быть красным», **أعوج** «быть хромым» и пр.; другой, еще более наглядный пример – глаголы японского языка, которые переводятся на некоторые другие языки прилагательными, со значениями «быть богатым», «быть упругим» и пр.³¹, но лексико-грамматическое значение действия. Такой взгляд критиковался, например, А.А.Леонтьевым, который утверждал, что использование лексико-грамматических категорий избыточно, поскольку они полностью соответствуют собственно грамматическим значениям, от которых отказывался О.П.Суник. «Обобщенные семантические представления частей речи являются лингвистической фикцией – эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка»³².

Тем не менее, соответствие между частями речи и семантикой очевидно. Несмотря на то, что типовые значения, выведенные для различения частей речи («предмет», «признак», «действие») не могут охватить все слова, входящие в тот или иной класс, понятно также, что совсем без выделения элементов значения для тех или иных частей речи мы обойтись не можем – так, практически любое имеющееся научное определение прилагательного содержит пункт о значении признака предмета. Но понятно и то, что не следует также ограничиваться только элементами значения – наличие морфологических и (что весьма важно для прилагательных) синтаксических

³⁰ Суник О.П. Общая теория частей речи. Москва-Ленинград, 1966, стр.119-120, 127.

³¹ Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи. // Части речи. Теория и типология. М., 1990, стр. 32.

³² Леонтьев А.А. Фиктивность семантического критерия при определении частей речи. // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Ленинград, 1968, стр. 86.

особенностей для нас существенно не в меньшей и, возможно, даже в большей степени³³.

В когнитивной типологии принято представление о том, что части речи представляют собой прототипические классы. Для каждого класса характерны свое языковое поведение, отражающееся на разных языковых уровнях.

Прилагательные как прототипический класс, отличный от существительных и глаголов, рассматривает³⁴ Крофт, который считает, что эти три части речи суть три универсальных синтаксических категории. Эти категории анализируются в терминах двух прототипически скоррелированных параметров: семантического класса основы слова, а также прагматической функции, которую основа играет в данной манифестации, занимая определенное синтаксическое положение. Названным У.Крофтом трем синтаксическим категориям соответствуют три семантических класса – сущности (существительные), события/действия (глаголы) и свойства (прилагательные), традиционно используемых в грамматических определениях. Для выделения этих классов ученый предлагает четыре семантических параметра: валентность (valency), стативность (stativity), устойчивость (persistence), градуальность (gradability). На основе значений этих параметров у названных классов строится следующая таблица:

	сущности	свойства	действия
валентность	0	2	≥ 1
стативность	стативны	стативны	процессуальны
устойчивость	постоянны	постоянны	проходящи
градуальность	неградуальны	градуальны	неградуальны

³³ Части речи 1965 - Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Ленинград, 1965; Части речи 1968 – Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Ленинград, 1968; Части речи 1990 - Части речи. Теория и типология. М., 1990.

³⁴ Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago, 1991.

Таким образом, прилагательное имеет, как правило, одну валентность, обозначает стативное и постоянное свойство, а также (в отличие от двух других классов) может быть оценено по степени.

Впрочем, на материале арабского языка можно удостовериться в том, что действия также градуальны, поскольку в арабском языке «степень действия», т.е. интенсивность может выражаться морфологически – так, регулярная вторая порода арабского глагола часто обозначает действие более интенсивное, чем выражаемое исходной, первой породой, например, **ضَرَبَ** «сильно бить» от **ضَرَبَ** «бить, ударять».

По У.Крофту, основой для определения частей речи является пропозициональный акт. Основными типами пропозициональных актов являются референция, соотнесенная с сущностями (ее функция – сделать так, чтобы слушающий идентифицировал некоторую сущность с тем, о чем говорит адресант), предикация, соотнесенная с действиями (то, что говорящий намерен сказать о том, о чем он говорит (референте)) и модификация, соотнесенная со свойствами (ее функция – дополнить образ сущности дополнительным свойством). Таким образом, прототипическим пропозициональным актом для существительного является референция, для глаголов – предикация и для прилагательных – модификация.

Следует также упомянуть такие параметры для семантического выделения частей речи, как референтная самостоятельность и референтная активность. Прилагательные являются, как правило, референтно несамостоятельными, т.е. они (в отличие от существительных, но так же, как и глаголы) не могут самостоятельно, без помощи других слов, осуществить для слушающего идентификацию между ними самими и соответствующими им внеязыковыми свойствами (с этим непосредственно связано правило, по которому обычно существительные обладают способностью обозначать конкретных носителей определенных свойств (т.н. «воплощенные свойства»), в то время как глаголы и прилагательные чаще обозначают свойства, не имеющие постоянных носителей, при этом разница между

глаголом и прилагательным в этом случае зависит от временной стабильности того или иного свойства³⁵. Но при этом прилагательные чаще являются референтно активными, то есть они (в отличие от глаголов, но так же, как и существительные) способны осуществить подобную идентификацию для синтаксически связанных с ними лексем³⁶.

Естественным образом предполагается, что корреляция значений семантического и прагматического параметра может нарушаться – в таком случае основа одной прототипической категории может функционировать для другой. Так появляются, например, отглагольные имена как результат того, что глагольная основа начала функционировать референтно. Это явление можно назвать также потерей частеречных признаков в результате изменения референциальных свойств лексем³⁷.

Есть, однако, иное мнение по поводу функционирования одних и тех же основ в качестве разных частей речи. Так, например, Б.А.Серебренников предлагает считать основным критерием для выделения частей речи в языках мира так называемые функциональные разряды, то есть выполнение различными лексемами тех или иных частеречных функций (т.е. функций существительных, прилагательных, глаголов и пр.) – таким образом, даже если тождественные по форме элементы языка выполняют различные функции (т.е. одни и те же лексеммы могут выступать, например, в роли существительного и прилагательного, как мы часто можем наблюдать в арабском языке), их следует считать различными лексемами, поскольку «этимология, историческая связь этих слов не имеет в решении проблемы частей речи абсолютно никакого значения»³⁸. Однако такой взгляд снова заставляет нас ограничиться одной семантикой, не обращая внимания на морфологию и взаимодействие лексем в языке. Нам представляется важным

³⁵ Плуныян В.А. Общая морфология. М, 2000, стр. 242.

³⁶ Тестелец Я.Г. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи. Теория и типология. М., 1990, стр. 87-92.

³⁷ Там же, стр. 94.

³⁸ Серебренников 1965 – Серебренников Б. А. Секторная структура языка и проблема частей речи. // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Ленинград, 1965, стр. 10.

выбор тех или иных словоизменительных или словообразовательных показателей в различных синтаксических позициях при различных значениях лексем.

Р.М.У.Диксон, принимая во внимание факты сходства морфологических особенностей у прилагательных и существительных (или у прилагательных и глаголов) в разных языках, тем не менее, предлагает выделять прилагательные практически во всех языках мира. Таким образом, языки делятся на пять типов в зависимости от того, как в них выглядит класс прилагательных: языки, имеющие открытый класс прилагательных с грамматическими свойствами, близкими к свойствам существительных (греческий, латинский, многие другие языки Европы, имеющие открытый класс прилагательных с грамматическими свойствами, близкими к свойствам глаголов (языки Северной Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии, Океании); языки, имеющие открытый класс прилагательных с грамматическими свойствами, близкими как к свойствам существительных, так и к свойствам глаголов (число таких языков невелико, Р.М.У.Диксон упоминает, в частности, башкирский язык; впрочем, в некотором роде таков и английский язык); языки, имеющие открытый класс прилагательных с грамматическими свойствами, отличающимися от свойств имен и глаголов (язык фиджи, языки мам и цутухиль (семья майя)); языки, имеющие малый, закрытый класс прилагательных, обозначающих определенный базовый набор свойств (такие языки распространены на юге и востоке Индии, в большой части Африки, на территории Папуа - Новой Гвинее, отчасти в Америке и Океании).

Японский язык, однако, не попадает ни в один из перечисленных типов, поскольку он имеет класс прилагательных, делящийся на две группы: прилагательные первой обладают грамматическими свойствами, близкими к существительным, прилагательные второй – к глаголам³⁹. Следует также

³⁹ Dixon R.M.W. Adjectives // R. E. Asher (ed.) The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. I. Oxford – New York, 1994, P. 31-34.

отметить, что Р.М.У.Диксон нередко выделяет для многих языков (например, языков Океании) в классе прилагательных небольшой подкласс, внутри которого прилагательные имеют особые морфологические особенности в отличие от остальных⁴⁰.

В настоящей работе нас в наибольшей степени интересует морфологический критерий выделения прилагательных для арабского языка и словообразовательные модели, присущие прилагательным. С этой точки зрения выделить прилагательные в арабском языке, возможно, особенно сложно, поскольку у них практически нет способов образования, отличных от существительных, и в обычных для большинства языков синтаксических позициях могут выступать как прилагательные, так и существительные.

Таким образом, пользуясь терминологией когнитивной типологии, в арабском языке мы можем наблюдать сдвиг у основ прилагательных в сторону референтности (субстантивация) и у основ существительных в сторону модификации (адъективация). Впрочем, такое утверждение можно сделать только в том случае, если мы вообще можем выделить арабские прилагательные как прототипическую часть речи на типологическом уровне. Ниже мы попытаемся вкратце обрисовать проблему и показать некоторые способы ее прояснения. Мы естественным образом будем также затрагивать синтаксический и семантический аспекты проблемы, однако особое внимание будем уделять словообразованию и словоизменению. После краткого обзора ситуации для прилагательных в арабском языке мы сосредоточимся на немногочисленных словообразовательных моделях (в первую очередь на одной из них, морфологически и семантически существенно отличающейся от всех прочих), присущих (с теми или иными оговорками) собственно прилагательным. Как видно из заглавия настоящей работы, мы обращаемся, в первую очередь, к данным классического литературного арабского языка, рассматривая материал современного

⁴⁰ Dixon R.M.W. Adjectives // R. E. Asher (ed.) The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. I. Oxford – New York, 1994, P. 21-22.

арабского языка (по поводу этого термина в современной арабистике существуют разногласия; так, Г.Ш.Шарбатов предлагает говорить о совокупности региональных обиходно-разговорных языков или койнэ⁴¹ и диалектов в отдельных, особо оговоренных случаях. Здесь, на наш взгляд, уместно было бы процитировать важное замечание Э.Н.Мишкурова: «морфологический критерий выделения частей речи как главное средство их дифференциации в АЛЯ (арабском литературном языке) оказывается типологически нерелевантным при изучении аналитических семитских языковых систем, в частности разнообразных АДЯ (арабских диалектных языков)»⁴².

1.2. Проблема выделения прилагательных в арабском языке

В арабской лингвистической традиции выделяются три части речи - имена (اسم - «имя») (в т.ч. и прилагательные (صفة – «прилагательное»)), глаголы (فعل - «глагол») и частицы (حرف - «частица»). Класс имен может делиться на подкласс собственно имен и подкласс местоимений (отличающихся от собственно имен «особыми парадигмами и формами, характерными только для местоимений, в том числе - наличием категории лица»). Прилагательные же в арабском языке традиционно включаются в класс собственно имен - большинство прилагательных образуется по тем же моделям, что и существительные; к прилагательным относят и причастия, действительные (إسم الفاعل «имя делающего») и страдательные (إسم المفعول «имя сделанного»). Такого мнения придерживаются многие европейские и отечественные ученые, в частности, Н.В.Юшманов⁴³ и Б.М.Гранде⁴⁴.

⁴¹ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991.

⁴² Мишкуров Э.Н., Рауфова А.Г. Морфологический строй современного арабского языка. Ташкент, 1992, стр. 53.

⁴³ Юшманов Н.В. Грамматика арабского языка // Юшманов Н. В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М., 1998, стр. 237.

⁴⁴ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998. 2-е изд., стр. 253.

Г.Ш.Шарбатов же, признавая, что многие прилагательные образуются по словообразующим моделям, характерным и для существительных, напротив, утверждает, что прилагательные в арабском языке можно выделить как часть речи, опираясь на их семантические и синтаксические свойства⁴⁵. Э.Н.Мишкурое также выделяет прилагательные в арабском языке на основании так называемого особого грамматического значения («атрибутивность» или «призначность»)⁴⁶. Ниже будет показано, что прилагательные арабского языка действительно обладают специфическими именно для них (в отличие от других имен) синтаксическими функциями (но речь пойдет не о функции определения, которую имеет в виду Г.Ш.Шарбатов); что касается семантики, то нередко одно и то же слово может иметь субстантивное или адъективное значение в зависимости от контекста, при этом многие употребительные в языке конструкции даже можно при этом толковать различными способами. Отметим, что Г.Ш.Шарбатов говорит также и о широко распространенном в арабском языке процессе субстантивации прилагательных⁴⁷.

У.З.Кариев выделяет 18 словообразовательных моделей прилагательных: **فَعْلٌ** (напр., **صَعْبٌ** «трудный»), **فِعْلٌ** - (напр., **صِرْفٌ** «чистый»), **فَعْلٌ** - (напр., **حَسَنٌ** «хороший»), **فُعْلٌ** - (напр., **قُدْمٌ** «щедрый»), **فُعْلٌ** - (напр., **جُنُبٌ** «чужой»), **فُعَالٌ** - (напр., **جَبَانٌ** «трусливый»), **فِعَالٌ** - (напр., **سِنَاطٌ** «безбородый»), **فُعَالٌ** - (напр., **شُجَاعٌ** «храбрый»), **فَعِيلٌ** - (напр., **كَبِيرٌ** «большой»), **فَعُولٌ** - (напр., **صَبُورٌ** «терпеливый»), **فَعَالٌ** - (напр., **كَذَابٌ** «лживый»), **فُعَالَانٌ** и **فُعَالَانٌ**, напр. **نَدْمَانٌ** «сожалеющий», **سَكْرَانٌ** «пьяный»); из них все встречаются также среди существительных⁴⁸. Г.Ш.Шарбатов называет среди наиболее употребительных моделей прилагательных также **فُعْلٌ** - (напр., **صُلْبٌ**

⁴⁵ Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. Москва, 1961, стр. 30-31, 40.

⁴⁶ Мишкурое Э. Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. Курс лекций. Москва, 1978, стр. 128.

⁴⁷ Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. Москва, 1961, стр. 42-43..

⁴⁸ Кариев У.З. Словообразование имен существительных и прилагательных в современном арабском литературном языке. Москва, 1966, стр. 7.

«твердый»), **فَاعِلٌ** - (модель действительного причастия), **فَعُولٌ** - (характерный для диалектов геминированный вариант модели **فَعُولٌ, فَعِيلٌ** - (напр., **ذَكِيرٌ** «хорошо помнящий»), **مِفْعَالٌ** - (напр., **مِحْدَانٌ** «очень печальный») ⁴⁹. Гранде указывает ⁵⁰ адъективную модель **فُعْلَةٌ** - (напр., **ضَحَكَةٌ** «насмешливый»). Среди указанных моделей есть старые, собственно адъективные - **فَعَلٌ** - (а также не отмеченные У.З.Кариевым **فَعِلٌ** - (напр., **حَذِنٌ** «печальный») и **فَعْلٌ** - (напр., **يَفْقُظٌ** «бдительный») ⁵¹, и вытеснившая их новая - **فَعِيلٌ** -, но все они, тем не менее, фигурируют и как субстантивные. В.Фишер приводит таблицу примеров на частотные именные модели, иллюстрируя указанный факт; мы ограничимся здесь иллюстрациями для исторически адъективных моделей: **فَعَلٌ - حَسَنٌ** «хороший» и **طَلَبٌ** «требование», **فَعِلٌ - حَذِرٌ** «осторожный» и **كَبِدٌ** «печень», **فَعِيلٌ - قَلِيلٌ** «малый» и **قَلِيبٌ** «колодец», **فَعُولٌ - أَمُونٌ** «верный» и **أَمُودٌ** «столб». Заметим, что все приведенные существительные являются либо собственно первичными существительными, либо, в крайнем случае, отглагольными именами, как и прочие в таблице В.Фишера. Если же говорить об одних и тех же лексемах, то вычислить, к примеру, имеет имя **حَكِيمٌ** значение «мудрый» или «мудрец», можно только из контекста.

1.3. Морфологический критерий

Понятно, что арабские прилагательные регулярно изменяются по родам, и этот факт мог бы в иной ситуации являться существенным для выделения прилагательных в отдельную часть речи. Но изменение по роду является фактом скорее синтаксиса, чем морфологии; здесь мы хотели бы вновь оговориться, что в настоящей работе нас в первую очередь интересуют

⁴⁹ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991, стр. 300.

⁵⁰ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 263.

⁵¹ Fischer W. Classical Arabic // The Semitic Languages, ed. R. Hetzron. London – New York, 1997, P. 192.

морфологические и словообразовательные отличия прилагательных от других имен. Кроме того, показатель женского рода у одной и той же модели будет также один и тот же, независимо от части речи: напр., **حَكِيمٌ** «мудрый» или «мудрец» - **حَكِيمَةٌ** «мудрая» или «мудрая женщина». Характерна также ситуация с частотными адъективными моделями **فَعِيلٌ** - и **فَعُولٌ** -: первая из них не изменяется по родам в пассивном значении (1) **بَقْرَةٌ** (2) **نَاطِحَةٌ** «бодливая (2) корова (1)», но (1) **إِمْرَاءَةٌ** (2) **قَطِيبٌ** «убитая (2) женщина (3)», вторая, напротив, изменяется по родам только в пассивном значении (1) **إِمْرَاءَةٌ** (2) **رَسُولَةٌ** «посланная (2) женщина (1)», но (1) **إِمْرَاءَةٌ** (2) **كُذُوبٌ** «лживая (2) женщина (1)», что связано, по-видимому, с тем, что модели **فَعِيلٌ** и **فَعُولٌ** являются древними формами активного и пассивного причастий соответственно. Прилагательные, образованные по моделям **فُعَالٌ**, **فَعَالٌ**, **مِفْعَلٌ**, **مِفْعَالٌ** и **مُفْعِيلٌ** не изменяются по родам и числам⁵². Между тем нельзя не заметить, что в таких языках, как латынь или испанский, можно также встретить группы прилагательных, не изменяющихся по родам. Также по родам не изменяются прилагательные, образованные по моделям с усилительным значением, оканчивающимся на стандартный показатель женского рода - **ةٌ**: **فَعُولَةٌ**, **فَعَالَةٌ**, **فَاعِلَةٌ**, **فَاعِلَةٌ**, **فُعَالَةٌ**⁵³. Кроме того, прилагательные, обозначающие свойства, присущие исключительно женщинам, обычно образуются по модели мужского рода, напр., **حَامِلٌ** «беременная» (точно так же, как перечисленные выше модели с показателем - **ةٌ** - в некоторых случаях обозначают только лиц мужского пола, обычно с уничижительным оттенком, напр., **نُحْكَةٌ** «бабник») - этот факт является, по-видимому, еще одним аргументом в пользу того, что арабские прилагательные не представляют собой отдельного морфологического класса. Обратим внимание и на такой примечательный факт, описываемый Б.М.Гранде: «от имен прилагательных, не изменяющихся

⁵² Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр 271.

⁵³ Там же.

по родам, могут, однако, образоваться существительные женского рода с окончанием **ةَ**-, например: **عَدُوٌّ** «враг» (модель **فَعُولٌ**-), ж.р. **عَدُوَّةٌ**⁵⁴ (отметим, однако, что здесь Б.М.Гранде вновь переводит прилагательное, приводимое в качестве примера, существительным). Ср. тж. конструкцию с использованием приложения **إِمْرَأَةٌ** (1) **عَدْلٌ** (2) «справедливая (2) женщина» (1), букв. «женщина (ж.р.) справедливость (м.р.)».

Таким образом, мы, по-видимому, не можем указать какой-либо набор деривационных средств или какие-либо специальные морфологические признаки для арабских прилагательных. Это дает основание большинству ученых не выделять арабские прилагательные в отдельный класс и рассматривать их вместе с другими именами (таким образом, арабский язык следует скорее всего отнести к типу «именных» языков; как мы показывали выше, похожие явления наблюдаются в классических индоевропейских языках; это, однако, не означает, что прилагательные в их работах не называются прилагательными, если они являются таковыми по смыслу. Все это, разумеется, сильно осложняет условия для выделения прилагательных в арабском языке.

В работе Р.С.Айюб⁵⁵, посвященной двоякому членению частей речи в арабском и русском языках, говорится, что причастия и прилагательные арабского языка обладают полисинтетическим характером, поскольку без учета внутренних аффиксов имеют индекс синтеза 4 морфа и 3,51 морфа соответственно, а с учетом внутренних аффиксов – 5,18 морфа и 4,51 морфа соответственно (в последнем случае существительные, числительные и глаголы также являются полисинтетическими, в то время как без учета внутренних аффиксов они имеют синтетический характер). Далее в работе говорится, что для прилагательных арабского языка наиболее характерны модели «корень (корневая основа) с варьирующей огласовкой + материально

⁵⁴ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 272.

⁵⁵ Айюб Р.С. Двоякое членение частей речи в языках с развитым морфологическим строем (на материале арабского и русского языков). М., 2001, стр. 7.

выраженная флексия / нулевая флексия + постфикс» и «корень (корневая основа) с варьирующей огласовкой + словообразовательный суффикс (а также основообразующий тематический элемент) + материально выраженная флексия / нулевая флексия + постфикс» (под постфиксами в работе понимаются в первую очередь агглютинирующие артикли и слитные местоимения). Средняя длина арабского прилагательного – 3, 4 слога.

Проблема выделения прилагательных актуальна и для других семитских языков. До последнего времени был распространен взгляд, что в семитских языках, прилагательные как правило, также не выделяются в отдельную часть речи на основании морфологических отличий. См., например, замечание Б.М.Гранде по поводу выделения прилагательных в семитских языках вообще: «Имя прилагательное в семитских языках не может быть выделено в качестве самостоятельной части речи, параллельной или противопоставляемой имени существительному, на следующем основании: во-первых, нет никаких морфологических признаков, которые отличали бы склонение прилагательного от склонения существительного; во-вторых, те слова, которые мы по их значению приравниваем к русским прилагательным, поскольку они могут обозначать признак, в других синтаксических конструкциях обозначают предмет, лицо, абстрактное понятие и т.д., причем это явление нельзя представить как субстантивацию прилагательного, а оно зависит только от того места, которое прилагательное занимает по отношению к другим членам предложения»⁵⁶.

На выделении прилагательного как отдельного подкласса имен в семитских языках, отличного от существительного, настаивает также А.Гай⁵⁷. Рассмотрим его аргументы. Прилагательные изменяются по родам, при этом А.Гай делает важное уточнение: наличие у прилагательных показателей рода является грамматическим и структурным параметром (т.е. прилагательные в этом случае подчиняются формальным правилам присоединения флексии), в

⁵⁶ Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, стр. 183.

⁵⁷ Gai A. The category «adjective» in Semitic languages. // Journal of Semitic Studies XL/I, 1995, P. 1-4.

то время как у существительных оно носит функциональный характер (an adjective undergoes grammatical-structural inflection, while the inflection of the substantive is a functional one). Далее А.Гай приводит примеры существительных древнееврейского языка женского рода, не имеющих соответствующего показателя, и существительных мужского рода, напротив, имеющих показатель женского рода, в то время как прилагательные выступают с соответствующими показателями рода на грамматических основаниях, т.е. в случаях согласования по роду с существительными; ученый указывает на подобную ситуацию в геэзе и современном сирийском (христианский урмийский), отмечая, что одни и те же принципы наблюдаются у прилагательных, местоимений и глаголов в отличие от существительных. (В качестве другой иллюстрации приведенного тезиса А.Гай приводит также примеры из аккадского с упоминавшемся выше показателем - *ūt-*). Отметим, что в арабском языке также существуют существительные женского рода, не имеющие показателя, и существительные мужского рода с показателем женского рода. См., однако, выше описание ситуаций, в которых прилагательные арабского языка не изменяются по роду, при том, что они выступают в качестве определений к существительным.

Особое место среди арабских прилагательных занимают имена относительные с особым словообразовательным суффиксом – *ِيّ*–, образованные от именных основ (в арабской лингвистической традиции эти имена называются *نَسْبَةٌ*), напр. *ذَهَبٌ* «золото» - *ذَهَبِيٌّ* «золотой», *عَرَبٌ* «арабы» - *عَرَبِيٌّ* «арабский» и пр. В случае обозначения лица эти имена могут выступать и в субстантивном значении в зависимости от синтаксической позиции – напр., *مِصْرِيٌّ* «египетский; египтянин». Эта модель принимает внешние показатели рода и числа (ср., напр., *مِصْرِيَّةٌ* «египетская, египетские (в случае согласования во множественном числе с неодушевленными именами); египтянка»; *مِصْرِيُّونَ* «египетские (в случае согласования во множественном

числе с именами, обозначающими людей); египтяне»). Она весьма употребительна и очень часто используется для образования новых лексем – как прилагательных, так и существительных (для обозначения, напр., профессий или отраслей – в последнем случае к такому имени присоединяется показатель женского рода – **ة**–, так же, как и для обозначения качеств). Для этой модели мы все же вполне можем с уверенностью выделить основу, от которой она образована (см. выше), однако и в этом случае, как было показано, мы сталкиваемся с проблемой выражения ею как адъективных, так и субстантивных значений. «В традиционной арабской грамматике производное имя с суффиксом – **ِي**– не дифференцируется на существительное и прилагательное, но получает общее наименование имени относительного. Тем не менее, именно имя относительное чаще выступает в прототипической функции согласованного определения»⁵⁸. Впрочем, следует отметить, что адъективные значения для моделей с показателем – **ِي**– более древние, в то время как субстантивация таких имен – более позднее явление.

Г.Ш.Шарбатов указывает также на гораздо более редкий, но подобный по значению суффикс - **َانِي**– (**رُحَانِي** «духовный» и **رُحِي** «спиртной, алкогольный; духовный» от **رُوح** «дух, спирт»; **عَقْلَانِي** «рационалистический» и **عَقْلِي** «умственный» от **عَقْل** «ум»; см. также примеры из Корана: **فَوْقَانِي** «верхний», **تَحْتَانِي** «нижний», но здесь существенно отметить, что эти прилагательные образуются от предлогов, оканчивающихся на – **ا**– : **فَوْقَ** «над», **تَحْتَ** «под»)⁵⁹. Следует, однако, отметить, что суффикс - **َانِي**– восходит, по-видимому, к группе общесемитских суффиксов - **َانِي**–⁶⁰.

⁵⁸ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998., 2-е изд., стр. 257-259.

⁵⁹ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. М., 1991, стр. 304.

⁶⁰ Soden W. von. Grundriss der Akkadischen Grammatik. 3., ergänzte Auflage unter Mitarbeit von Werner R. Mayer. Roma, 1995, P. 85

1.4 Степени сравнения в арабском языке

Большой проблемой в вопросе выделения прилагательных в арабском языке является ситуация со степенями сравнения. Мы видим, что степени сравнения в арабском языке могут по стандартной форме образовываться от причастий (напр., **أَضَلُّ** «еще больше сбившийся с пути»⁶¹ от **ضَالٌّ** «блуждающий, заблуждающийся») и от существительных - напр., в предложении, сказанном об одном умершем раннеарабском поэте – **وَ كَانَ** (1) «и был он (1) мудрейшим (2) среди арабов (3) в (4) его время (5) и **наибольшим поэтом** из них (6) и самым красноречивым из них (7)» **وَ أَحَبُّهُمْ** (6) **وَ أَشْعَرُهُمْ** (5) **زَمَنِهِ** (4) **فِي** (3) **العَرَبِي** (2) **أَحْكَمُ** (1) «поэт», существительное образовано по модели действительного причастия; с другой стороны, мы могли бы перевести форму **أَشْعَرُ** как «лучше (всех) чувствующий» от **شَاعِرٌ** в причастном значении «чувствующий», но, поскольку такая форма часто употреблялась именно среди арабских поэтов, у нас есть основания переводить эту форму как «более поэт; наибольший поэт»).

Х.Вер также приводит другие примеры образования степени сравнения от субстантивных основ: **أَتَيْسُ (من)** «более подобный козлу, более похотливый (чем)» от **تَيْسٌ** «козел», **لِصٌّ** от **الْأَلْسُ** «вор, грабитель», **أُطْفَلٌ** от **طُفْلٌ** «незванный гость» (В.Фишер приводит значение «прихлебатель, приживальщик»⁶², **أَلُوْطٌ** от **لُوطِيٌّ** «педераст», **أَدَلٌّ** от **دَلِيْلٌ** «вождь»⁶³.

Ниже приводится таблица, иллюстрирующая способность степеней сравнения образовываться от самых разных именных моделей, например:

исходная форма	элатив (или форма суперэлатива единственного числа мужского рода)
-----------------------	--

⁶¹ Крачковский 1986 – КОРАН. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Москва, 1986, 2-е изд., стр. 238.

⁶² Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 148.

⁶³ Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953, P. 617-618.

исходная форма	элатив (или форма суперэлатива единственного числа мужского рода)
كَبِيرٌ «большой» 1. -: فَعِيلٌ	أَكْبَرُ
فاعِلٌ - (форма действительного причастия): 2. قَاطِعٌ «режущий» 3. شَاعِرٌ «поэт» 4. ضَالٌّ «заблуждающийся» (у глаголов с геминированным вторым радикалом действительное причастие выглядит как فَالٌ)	أَقْطَعُ أَشْعُرُ أَضَلُّ
طَفِيلِيّ 5. -: يِّ прихлебатель»	أَطْفَلُ
مُفَعَّلٌ - (форма действительного причастия от II (интенсивной) породы): 6. مُعَقَّدٌ «узловатый»	أَعْقَدُ
مُسْتَفْعِلٌ - (форма действительного причастия от X породы): 7. مُسْتَحِقٌّ «сто;ящий» (у глаголов с геминированным вторым радикалом такое причастие выглядит как مُسْتَفْعِلٌ)	&ah>arqqu

Форма أَحَقُّ, разумеется, является в первую очередь элативом/суперлативом от прилагательного حَقٌّ, среди значений которого есть и «подходящий». Однако она может образовываться и от указанной выше сложной причастной формы مُسْتَحِقٌّ⁶⁴.

Форма أَوْحِدٌ - «единственный», скорее всего, является сравнительной от прилагательного وَحِيدٌ - с тем же значением, однако числительное وَاحِدٌ - «один»

⁶⁴ Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972, P.68.

также имеет значение «единственный». Было бы логично сделать вывод, что степени сравнения образуются даже скорее от корня, чем от других именных форм. (Известен факт образования модели, то есть, «анти-суперлатива», даже от глагольной формы: أَحْسَنَ «поступить хорошо» - أَحْسِنَ «сделать немножко хорошо»; это явление достаточно маргинальное, тем не менее, оно может служить лишним подтверждением того, что некоторые словообразовательные модели образуются в большей степени от корня, чем от другой конкретной модели.) Между тем, М. Годфруа-Демомбин и Р.Блашер считают, что формы «элатива/суперлатива» не могут образовываться от причастий производных пород⁶⁵, чему противоречат примеры 6 и 7 таблицы – эти примеры приведены В.Фишером⁶⁶, который также приводил пример на следующее распределение: أَكْرَمٌ - «благороднее» от كَرُمٌ «благородный» и «оказывающий большую честь» от مُكْرِمٌ (действительное причастие IV (каузативной) породы) «оказывающий честь»⁶⁷. Ср. у него же أَقْطَعٌ – «отрезающий в особой степени (in besonderem Masse)» от قَاطِعٌ «отрезающий» и «отрезанный в особой степени» от قَاطِيعٌ или مَقْطِيعٌ «отрезанный»; أَعْمَرٌ – «обитаемый, населенный в особой степени» от عَامِرٌ или مَعْمُورٌ «обитаемый, населенный» и «долго живущий в особой степени» от مُعَمَّرٌ (страдательное причастие II (интенсивной) породы) «долго живущий, долговечный»; أَحْزَمٌ – «решительный, деятельный в особой степени» от حَازِمٌ «решительный, деятельный» и «требующий решительных действий в особой степени» от مَحْزُومٌ «нечто, требующее решительных действий, на что следует решиться»⁶⁸. У.Райт утверждает, что «элатив/суперлатив» не может образовываться от отглагольных имен – в таких случаях используются аналитические конструкции с формой «элатива/суперлатива» от «вспомогательного» прилагательного (напр., أَشَدُّ «сильнее») и отглагольным именем в винительном падеже⁶⁹. Нам, однако, представляется, что на

⁶⁵ Gaudefroy-Demombynes M. et Blachère R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952, P. 98.

⁶⁶ Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972, P. 68.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 182.

⁶⁹ Wright W. Lectures on the Comparative Grammar of the Semitic Languages. Amsterdam, 1966, P. 141.

основании приведенной выше таблицы можно понять, что форма «элатива/суперлатива» способна образовываться от различных именных форм, в том числе и от отглагольных, дальнейшие же ограничения касаются в большей степени не морфологии, а семантики. К.Брокельманн также замечает, что запрет грамматиков на образование синтетических форм «элатива/суперлатива» от определенных именных моделей нередко игнорируется⁷⁰.

Х.Вер замечает также, что в арабском, как и в других семитских языках, в сравнительных конструкциях прилагательное может выступать в положительной форме: арабский كَبِيرُهُمْ «больше, чем они; букв. большой их», египетский диалект الكَبِيرِ فِيهِمْ. Вспомним также прилагательное خَيْرٌ «1. Хороший, добродетельный (человек). 2. Хороший, отличный (о любой вещи). 3. Добро, то, что хорошо, хорошее дело. 4. Добро, имущество; счастье, любой вид ценности») и имя شَرٌّ со значениями «1. Злость, несправедливость. 2. Зло. 3. Вражда, война. 4. Бедность, нищета. 5. Возбуждение. 6. Злой, плохой, более злой, самый злой»⁷¹, которые употребляются как элатив или суперлатив, не меняя модели. Напротив, в арабском языке существуют примеры как сравнительных и превосходных, так и положительных значений у форм «элатива/суперлатива», напр., أَحْوَنُ «1. Легкий, нетрудный, не составляющий труда. 2. Более легкий, менее трудный для выполнения, более легко выдерживаемый»⁷². Первоначальное значение арабского элатива (в арабском языкознании определяемого как أَفْعَلُ التَّفْضِيلِ (букв. «أَفْعَلُ предпочтения»); У.Райт переводит это как «the form أَفْعَلُ denoting preeminence»⁷³ («форма أَفْعَلُ, обозначающая превосходство»)) Х.Вер определяет как stark affektbetonter Positiv, prädikativ im isolierten Gebrauch⁷⁴ («сильно выделенная положительная степень, предикативная в

⁷⁰ Brockelmann C. Arabische Grammatik. Leipzig, 1953, P. 69.

⁷¹ Dictionnaire arabe-français de A. de Biberstein-Kazimirski. T. I. Paris, 1846, P. 1208.

⁷² Dictionnaire arabe-français de A. de Biberstein-Kazimirski. T. II. Paris, 1860, P. 1461.

⁷³ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974. P. 140.

⁷⁴ Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953, P. 568-569.

изолированном употреблении»). Для иллюстрации этого тезиса Х.Вер приводит среди прочего арабскую пословицу *بِنَا (3) أَرْحَمُ (2) الشَّمْسُ (1)* «солнце (1) для нас (2) полностью милосердно (3)», не говоря об общеизвестном *اللَّهُ أَكْبَرُ* «Бог велик» - в этих примерах форма «элатива/суперлатива» выступает как именная часть сказуемого в независимой позиции, то есть без сравнения (в отличие от *أَكْبَرُ مِنْهُ* «больше чем он») и без указания на превосходство (в отличие от *أَكْبَرُهُمْ* «самый большой из них»). (Между тем арабские ученые настаивают на невозможности употребления элатива/суперлатива изолированно, без артикля или сопряженного состояния⁷⁵. А.Фляйш замечает, что в сравнительных конструкциях могут использоваться словоформы *حَقٌّ, كَلٌّ, جِدٌّ*, стоящие в сопряженном состоянии при смысловом прилагательном в положительной форме (напр., *العالمُ (3) حَقٌّ (2) العالمُ (1) هذا (4)* «этот (1) мудрец (2) мудрейший (3)») (форма *جِدٌّ* в современном арабском выглядит как *جِدِّ*, что для классического арабского синтаксически невозможно – аккузатив не может выступать в качестве именного сказуемого)⁷⁶.

Обратим вслед за Х.Вером также внимание на группу прилагательных, обозначающих местоположение и по форме также относящихся к «элативу/суперлативу». При этом они не имеют специально превосходных значений и сосуществуют с однокоренными прилагательными тех же значений, образованных по другим моделям: *أَيْمَنُ* «правый» (необязательно «крайний правый» или «более правый») (ж.р. *يُمْنَى*), *أَيْسَرُ* «левый», *أَعْلَى* «верхний» форма *أَعْلَى* имеет только превосходные значения, *أَسْفَلُ* («нижний» (ср. *سَافِلٌ*), *أَدْنَى* «ближний» форма *أَدْنَى* имеет только превосходные значения, *أَقْصَى* «дальний», *أَبْعَدُ* «дальний», *أَوْسَطُ* «средний», сюда же можно отнести также прилагательные *أَوَّلُ* («первый») и *آخِرُ* («последний»)⁷⁷. Заметим, что все они, по сути дела, имеют изначальную «превосходную» семантику или, точнее, значение,

⁷⁵ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 414.

⁷⁶ Fleisch H. Traité de philologie arabe I. Beyrouth, 1961, P. 409.

⁷⁷ 953 - Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953, P. 585.

связанное с крайними точками, пределами (прилагательное «средний», очевидно, означает «находящийся в самой середине»). Все эти прилагательные также употребляются как в позиции положительной степени, так и в двух остальных. Это еще одно подтверждение вторичности «элатива/суперлатива»; тем не менее, эти формы не перестают быть специальными регулярными формами арабских имен со значением «интенсивности».

В арабских диалектах мы также можем наблюдать образование степеней сравнения по той же модели от причастий (иранский, сирийский مُرِيح «удобный» (модель действительного причастия IV породы) - أَرِيحُ «удобнее», также приводится пример مُهِمُّ «важный» (та же модель) - أَهْمُ «более важный, важнее»⁷⁸.

Распространен взгляд, что изменение по степеням сравнения во многих языках вообще носит лексический характер, образуя новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака, и не является критерием для выделения прилагательных в отдельную часть речи (ведь степени сравнения могут образовываться, например, и от наречий)⁷⁹. Напротив, Я.Г.Тестелец утверждает, что категория степени сравнения бывает свойственна только прилагательным⁸⁰, однако приведенные выше данные арабского языка противоречат этому положению и дают основание говорить о стертости границы между существительными и прилагательными в этом языке (впрочем, схожую ситуацию мы могли наблюдать и в других языках).

Вспомним перечисленные выше параметры, на основании которых делается заключение об историческом неразличении существительных и прилагательных в индоевропейских языках. Почти все они характерны и для арабского языка, причем на синхронном уровне – общие формы склонения,

⁷⁸ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. М., 1991, стр. 302.

⁷⁹ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Москва-Ленинград, 1945, стр. 216-217.

⁸⁰ Тестелец Я.Г. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990, стр. 93.

общие именные основы, практически полное отсутствие специфических адъективных словообразовательных показателей, кроме показателя относительного имени, образование степеней сравнения от практически любых именных основ, способность прилагательных к субстантивации и существительных к адъективации. Таким образом, различить существительные и прилагательные в арабском языке можно лишь в отдельных синтаксических позициях.

1.5 Синтаксический критерий

Прототипическими функциями для прилагательных являются функции согласованного определения, именного сказуемого, именной части сказуемого. При этом во всех этих функциях могут выступать и существительные. Даже в случае с функцией согласованного определения могут возникнуть проблемы с выделением прилагательных, опять же в силу отсутствия особых морфологических моделей - так, Я.Г.Тестелец приводит словосочетание **رَجُلٌ جَمِيلٌ** (1) **جَمِيلٌ** (2) как пример зыбкости границы между приложением и атрибутом в арабском языке – этот пример можно трактовать как «красивый (2) мужчина (1) или как «красавец-мужчина», т. е. у нас нет данных для того, чтобы определить, играет ли так называемое прилагательное **جَمِيلٌ** здесь роль согласованного определения или приложения⁸¹ (достаточно сравнить такую конструкцию с **حَرِيرٌ قَمِيصٌ** (1) **قَمِيصٌ** (2), букв. «рубашка (1) шелк (2)», т.е. «шелковая рубашка». Такой факт весьма затрудняет решение проблемы выделения прилагательных, поскольку мы видим, что одно имя (напр., «красивый/красавец» в приведенном выше примере) присоединяется к другому имени (напр., «мужчина») и дополнительно поясняет его значение, и мы не можем различить, имеет ли «присоединяемое» имя субстантивное значение или адъективное. При этом,

⁸¹ Тестелец Я.Г. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990, стр. 82

по всей видимости, если мы не можем отличить существительное от прилагательного, мы также не можем ставить вопрос о том, действительно ли «поясняемое» имя («мужчина») заполняет в этом случае валентность атрибута/приложения («красивый/красавец»).

Часто прилагательные можно отличить от существительных только с помощью контекста (пример: الْقَلَّةُ (1) - الْخَبِيثَةُ (2) - لِلْخَبِيثِينَ (3) وَالْخَبِيثُونَ (4) وَاللَّخْبِيَّاتِ (5) «речи (1) порочные (2) - для порочных (3) [людей], а порочные (4) [люди] - для порочных (5) [речей]»). Некоторые имена, обозначающие, например, человеческое качество, могут выступать в позициях подлежащего или прямого дополнения, и мы вновь сталкиваемся с проблемой, определить ли их как прилагательные или как существительные: «прилагательное без прилагаемого равносильно существительному, а при частом или постоянном опущении или подразумевании прилагаемого становится самым обычным существительным». Отдельные прилагательные можно выделить лишь по их семантике (например, مُخْتَلَفٌ «разный, различный») ⁸².

В.М.Алпатов предлагает выделять среди синтаксических частей речи ⁸³ «приименное» и «прилагательное». «Приименными» ученый называет такие лексемы, которые специализированы только в функции определения (такой термин принят в японистике), «прилагательными» - лексемы, употребляемые в функции определения и обстоятельства без специальных транспозиторов – грамматических показателей, соответствующих переходу слова в другой класс (такие лексемы также встречаются в японском языке) ⁸⁴. По всей видимости, по такой классификации арабские прилагательные относятся к «именам» - синтаксическим частям речи, специализированным в функции подлежащего и дополнения, но могущих выступать в позиции определения. (Впрочем, в таком случае для русского языка при некоторых условиях

⁸² Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Москва, 1985, стр. 78. 1985. (3-е издание; 1

⁸³ Синтаксические части речи выделяются по иным принципам, чем морфологические, но безусловно коррелируют с ними.

⁸⁴ Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи. // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990, стр. 37-38.

объединения словоформ в лексемы и выделения грамматических частей речи прилагательные также относятся к «именам»).

Помимо указанных выше прототипических функций прилагательных, в арабском языке существуют «функции, которые можно было бы охарактеризовать как нетривиальные - специфические функции в словосочетании и предложении». Это так называемые функция спецификации (تَمْيِيزٌ) и функция характеристики действия (в этой функции прилагательное выступает как согласованное определение к масдару - отглагольному имени). Обе эти функции свойственны только прилагательным (и адъективизированным причастиям).

Примеры на функцию спецификации: رَجُلٌ (1) حَسَنٌ (2) وَجْهًا (3) или رَجُلٌ (1) حَسَنٌ (2) الْوَجْهَ (3), или также الرَّجُلُ (1) الْحَسَنَ (2) الْوَجْهَ (3) (важно, что в этой конструкции оба члена генитивной конструкции могут стоять в определенном состоянии, в то время как в обычном случае в определенном состоянии может стоять только второй член) «красивый мужчина» (букв. «мужчина (1), красивый (2) лица (3)» или «мужчина (1), красивый (2) лицом (3)»), или «красиволикий (2-3) мужчина (1)»⁸⁵, مَقْبِلَةٌ (3) الْمَنْظَرِ (2) قَبِيحَةً (1) رَأَيْتُكُمْ (4) الصُّبْحَةَ (5) الْصُّبْحَةَ (4) (букв. «я увидел вас (1) гадкими (2) внешностью (3), тягостными (4) общением (5)»), т.е. «Я увидел, что ваша компания имеет отвратительный внешний вид и тягостна в общении»), مَوْجُودٌ (4) السَّبَبِ (3) مَعْلُومٌ (2) مَرَضٍ (1) كُلُّ (5) الشِّفَاءِ (6) (букв. «всякая (1) болезнь (2), известная (3) причиной (4), найдена (5) лекарством (6)»), т.е. «От всякой болезни, причина которой известна, можно найти лекарство»). Здесь прилагательные (или адъективизированные причастия) связаны по смыслу с существительными, стоящими после них, а существительные, характеризуемые этими прилагательными, выступают в роли несогласованных определений к ним (существительные могут быть в неопределенном состоянии и винительном падеже или в определенном состоянии и родительном падеже - в этом случае

⁸⁵ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991, стр.322.

конструкция имеет вид обычной для арабского языка идафы - генитивной конструкции); при этом сами прилагательные могут выступать в роли согласованных определений к именам, с которыми они непосредственно по смыслу не связаны (в первом примере прилагательное согласуется с существительным رَجُلٌ «мужчина»; во втором примере прилагательные согласуются с местоимением كُمْ «вас», а вернее - с опущенным существительным женского рода جَمَاعَةٌ «компания»; в третьем примере прилагательные согласуются местоимением كُلُّ «всякий», которое относится к существительному مَرَضٌ «болезнь»). Прилагательное в функции спецификации всегда фигурирует вместе со следующим за ним уточняющим существительным и при этом может выступать во всех позициях, характерных для имен⁸⁶. Э.Н.Мишкурое указывает, что эту конструкцию нередко называют «конструкцией формального примыкания», однако было бы правильнее называть ее «конструкцией неполного (разнонаправленного) согласования»⁸⁷.

Примеры на функцию характеристики действия в арабском языке: ضَرْبَةً (1) (букв. «ударил его (1) ударением (2) и вскрикнул (3) вскриком (4) великим (5)»), т.е. «Он ударил его, и тот вскрикнул громко»), وَ صَرَخَ (2) (3) (4) (5) (букв. «и был (1) отец его (2) Хариса (3) уже (4) печалился (5) о нем (6) печалением (7) сильным (8)»), т.е. «И его отец Хариса уже давно сильно печалился о нем»). Здесь прилагательные относятся по смыслу (и выступают в качестве согласованных определений) к именам действия - масдарам, которые употребляются при глаголах (а иногда и причастиях), от корней которых они образованы (т.н. внутренний объект или figura etymologica), часто для выражения интенсивности действия (и масдары, и прилагательные

⁸⁶ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998, 2-е изд., стр. 328, 345.

⁸⁷ Мишкурое Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. Курс лекций. Часть II. Москва, 1979, стр. 22.

в этих конструкциях находятся в неопределенном состоянии и в винительном падеже)⁸⁸.

⁸⁸ Мишкурин Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. Курс лекций. Часть II. Москва, 1979. стр. 15-16.

ГЛАВА II. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА И ФИЗИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Особенности семантики рассматриваемых прилагательных

Несмотря на то, что, как мы показали выше, морфологически четко выделить прилагательные в арабском языке проблематично, мы все же можем указать среди большого количества словообразовательных моделей прилагательных в арабском языке по крайней мере одну, которую имеет смысл рассматривать в качестве присущей в первую очередь именно прилагательным. Имена, входящие в данную группу, могут иметь субстантивные значения, однако базовая семантика у словообразовательных показателей этой группы, по всей видимости, адъективная. Эта группа является основным предметом рассмотрения в настоящей работе. Речь идет о так называемых «прилагательных цвета и физического признака».

В арабском языке существует группа прилагательных, семантически близких между собой и морфологически отличающихся от всех остальных прилагательных. Эти прилагательные могут обозначать цвет (أَحْمَرُ «красный») или физический признак (как недостаток - أَخْدَبُ «горбатый», так и просто выдающуюся особенность - أَفْرَعُ «волосатый»). Для этих прилагательных на данный момент не придуман подходящий термин. Уже понятно, что называть их прилагательными цвета и физического недостатка (или цвета и порока)⁸⁹ не совсем верно; Х.Вер употребляет вариант Farben und körperliche Gebrechen («цвета и телесные недостатки»), затем, впрочем, уточняя второе значение как körperliche Eigenschaften («телесные особенности»)⁹⁰; В.Фишер⁹¹ причисляет их к обозначениям цвета и формы (Farb- und Formenbezeichnung) или цвета и особенностей формы тела (Farben und körperliche

⁸⁹ Юшманов Н.В. Загадка «двухпадежных имен» арабского классического языка // Юшманов Н. В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. Москва, 1998, стр. 255.

⁹⁰ Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953, P. 570.

⁹¹ Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972, P. 66.

Formeigenschaften), понятие «формы» в данном случае несколько расплывчато и также не охватывает всей лексики (так же и термин *Eigenschaftbezeichnungen* - «обозначения особенностей»), равно как и название «прилагательные цвета и внешнего признака» (здесь мы выражаем особую благодарность А.Ю.Милитареву, который обратил наше внимание на то, что прилагательное со значением «немой» вряд ли может являться «прилагательным внешнего признака»); таким образом, приходится удовольствоваться также не совсем удовлетворительным термином «прилагательные цвета и физического признака»; примерно так же называет эти прилагательные А.Фляйш (*couleurs et particularite;s physiques*)⁹².

Г.Ш.Шарбатов утверждает, что в современном арабском языке такие прилагательные «очень редко используются для описания положительных качеств или состояния (например, семейного) человека» и приводит примеры **أَخِيْفٌ** «стройный» и **أَغْزَبٌ** «холостой, холостяк»⁹³. Однако примеры из классических арабских текстов дают нам основание утверждать, что обозначение положительного качества для этих прилагательных в классический период не являлось редким. В текстах мы находим достаточно большое количество рассматриваемых нами прилагательных, обозначающих физический признак с явной положительной коннотацией.

Особенно существенно то, что прилагательные этой группы имеют не только общую семантику, но и общие, отличные от других имен словообразовательные показатели. Наличие особых показателей – важнейший критерий для обособления этих прилагательных среди других имен арабского языка.

Образование форм у этой группы прилагательных выглядит следующим образом: форма мужского рода единственного числа - **أَفْعَلٌ**, форма женского рода единственного числа - **فَعْلَاءٌ**, форма общего множественного числа (в отличие от большинства других имен, имеющих отдельные формы

⁹² Fleisch H. *Traite; de philologie arabe* I. Beyrouth, 1961, P. 408.

⁹³ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991, стр. 300.

множественного числа для мужского и женского родов) - **فُعَلٌ** (примеры: «красный»: м.р. **أَحْمَرٌ**⁹⁴, ж.р. **حَمْرَاءٌ**, мн.ч. **حُمُرٌ**; «горбатый»: м.р. **أَحْدَبٌ**, ж.р. **حَدْبَاءٌ**, мн.ч. **حَدْبٌ**; «волосатый»: м.р. **أَفْرَاعٌ**, ж.р. **فَرْعَاءٌ**, мн.ч. **فُرْعٌ**; в случае если первый радикал - **أُ**-, форма мужского рода будет начинаться с **أُ**- (пример: «бурый»: м.р. **أَدْمٌ**, ж.р. **أَدْمَاءٌ**, мн.ч. **أَدَمٌ**); в случае если второй радикал - слабый (**و** или **ي**), форма множественного числа будет содержать долгий **و** или **ي** соответственно (примеры: «имеющий глубоко запавшие глаза»: м.р. **أَخْوَصٌ**, ж.р. **خَوْصَاءٌ**, мн.ч. **خَوْصٌ**; «белый»: м.р. **أَبْيَضٌ**, ж.р. **بَيْضَاءٌ**, мн.ч. **بَيْضٌ**).

Формы двойственного числа у этих прилагательных образуются так же, как и у всех остальных имен – посредством прибавления в именительном падеже показателя **-انَ** и в косвенном **-ينَ**; в женском роде двойственного числа конечный **أُ**- основы между двумя долгими **-ا-** меняется на **-و-** **أَسْوَدٌ** «черный» - **أَسْوَدَانِ** «два черных», **صَفْرَاءٌ** «желтая» - **صَفْرَوَانِ** «две желтых».

Форма мужского рода единственного числа совпадает с формой элатива (или мужского рода единственного числа суперлатива) - ср. «более»: **أَكْبَرُ**; «величайший»: м.р. **أَكْبَرُ**, ж.р. **كُبْرَى**, м.р. мн.ч. **أَكَابِرُ**, ж.р. мн.ч. **كُبْرِيَّاتٌ** (от **كَبِيرٍ** - «большой»). Ср. полный список возможных встречающихся форм суперлатива в мужском и женском роде единственного, двойственного и множественного чисел (в именительном падеже) в работе Х.Вера: **أَفْعَلٌ** (м.р. ед.ч.), **فُعْلَى** (ж.р. ед.ч.), **أَفْعَلَانِ** (м.р. дв.ч.), **فُعْلَيَانِ** (ж.р. дв.ч.), **أَفَاعِلٌ**, **أَفْعُلُونِ** (м.р. мн.ч.), **فُعْلِيَّاتٌ** (ж.р. мн.ч.). Отметим, что среди перечисленных выше форм встречаются такие, которые имеют стандартные и частотные внешние показатели рола и числа - **أُونَ** и **أَاتٌ**-, присоединяющиеся, как правило, к именам, относящимся к людям; у форм прилагательных цвета и физического признака таких показателей нет, что также важно с точки зрения их отличия от других имен. Случается, что одна и та же форма от одного и того же корня

⁹⁴ Приводя примеры на словообразовательные модели, мы будем выделять полужирным шрифтом словообразовательные показатели - к ним относится все, кроме консонантного корня, флексии и показателя неопределенного состояния -п, то есть гласные основы, долготы и геминация или редупликация, в случае геминации полужирным шрифтом мы будем выделять второй из двух одинаковых согласных, в случае редупликации – второй из слогов с повторяемым согласным; флексию мы будем выделять только в особых случаях.

может иметь значение как рассматриваемое нами, так и сравнительное, напр., **أَحْسَبُ** «1. Более уважаемый, более признанный. 2. Рыжий, рыжеволосый (человек). 3. Рыжий, смешанный с белым и черным (верблюд). 4. Прокаженный. 5. В достаточной мере заменяющий другого». По всей видимости, это пример очень частой для арабского языка омонимии корней – ср. глагольные формы **إِحْسَبُ** «иметь шерсть рыже-бело-черного цвета (о верблюдах)» с одной стороны и **حَسَبَ** «2. Быть достаточным, хватать для кого-то», **حَسِبَ** «быть признанным, уважаемым» - с другой. признака образуются по одной модели, но в первом случае - **أَخِيْلٌ** «более хитрый» - в качестве второго радикала выступает **و**, а во втором - **أَخُوْلٌ** «1. Имеющий косые или раскосые глаза. Подобное распределение на данном этапе нам больше не встретилось, и мы предполагаем, что это также примеры на два разных корня. В арабском языке слабые радикалы – **و** и **ي** – нередко взаимозаменяемы. Ср., например, **خُوْلٌ** «хитрый, коварный»; **حَوَى** «1. Хорошее зрение, хорошие глаза», **حَيْلٌ** «1. Хорошее зрение, хорошие глаза».

Кроме того, нередко модель **أَفْعَلٌ** - может обозначать и физический признак, и интенсивную степень («элатив/суперлатив») такого физического признака, в том случае если этот же физический признак обозначается прилагательным, образованным по другой модели. В.Фишер уточняет, что в данном случае прилагательное, образованное по другой модели, обозначает признак как таковой, в то время как прилагательное, образованное по модели **أَفْعَلٌ**, означает нечто вроде «характеризуемый, выделяющийся, отличающийся именно этой особенностью» («durch eine (bestimmte) Eigenschaft besonders charakterisiert»), напр.: **أَزُوْعٌ** «особенно отличающийся вызыванием страха» («durch schreckenerregend besonders charakterisiert»), т.е. «обладающий нравом или внешностью, вызывающими страх» («von schreckenerregendem Charakter oder Aussehen») и «вызывающий страх в особой степени» («sreckenerregend in besonderem Masse») от **رَائِعٌ** «вызывающий страх» («schreckenerregend»), **أَشْجَعٌ** «особенно отличающийся мужеством» («durch mutig besonders charakterisiert»), т.е. «мужественного нрава» («von mutigem Charakter») и

«мужественный в особой степени» («mutig in besonderem Masse») от شُجَاعٍ «мужественный» («mutig»)⁹⁵. По мнению В.Фишера, эти примеры показывают, что прилагательное физического признака модели أَفْعَلٌ – «адъективированный» элатив.

Иногда можно найти у прилагательных модели أَفْعَلٌ формы иного вида: напр., «толстый»: м.р. أَضْحَمُّ и أَضْحَمٌّ (поэтический вариант); «шелудивый»: м.р. أُذْمَانٌ, мн.ч. جَبْرَى (параллельно с правильным جَبْرٌ); «бурый»: м.р. أَدَمٌ, мн.ч. أُذْمَانٌ (параллельно с правильным أَدَمٌ) (между тем В.Фишер называет форму فَعْلَانٌ среди стандартных для рассматриваемой модели⁹⁶, приводя в пример среди прочего как раз словоформу أُذْمَانٌ); «куцый»: м.р. أَبْتَرٌ, ж.р. بْتِرَاءٌ (первый гласный و вместо ожидаемого ا); «грациозно склоняющийся»: м.р. أَجْدَلٌ, мн.ч. أَجَادِلٌ (ср. форму множественного числа мужского рода суперлатива!), ж.р. جُذَلَاءٌ, мн.ч. جُذَلٌ; «имеющий покаленную спину и плечи»: м.р. أَجْزَلٌ, ж.р. جُزَلَاءٌ, мн.ч. جُزَلٌ (первые гласные у последних двух форм - و вместо ожидаемого ا и ا вместо ожидаемого و соответственно); «весь»: м.р. أَجْمَعٌ, мн.ч. أَجْمَعُونَ (вместо ожидаемого جَمْعٌ); «узкий (о каналах внутри человеческого тела)»: м.р. أَصْرٌ, мн.ч. ضَرَاؤُ (вместо ожидаемого صُرٌّ); «одноглазый»: м.р. أَعْوَرٌ, мн.ч. عَوْرٌ (стандартное), عَوْرَانٌ, عَوْرَانٌ; «не имеющий растительности»: м.р. أَمْرَطٌ, мн.ч. مَرَطٌ (стандартное), مَرَطَاتٌ; «имеющий большие и красивые глаза, большой и красивый (о глазе); широкий»: м.р. أَنْجَلٌ, мн.ч. نَجَالٌ. Для имени أَوْجَلٌ со значением «боящийся кого-л.» стандартная форма женского рода جَوْلَاءٌ. Имя أَفْدٌ со значением «1. Ровно подрезанный у конечностей (напр., перья внизу стрелы). 2. Украшенный перьями (древко стрелы). 3. Не украшенный перьями» имеет наряду с обычной формой множественного числа أَفْدٌ форму أَفْدَادٌ: имя أَغْزَلٌ «1. Отделяющийся от других и держащийся особняком; уединяющийся. 2. Безоружный; не носящий оружия, в особенности не имеющий копья. 3. У кого обычно хвост склоняется набок (что является недостатком). 4. Одинокий холмик в песках. 5. Облако, не дающее дождя. 6.

⁹⁵ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 65.

⁹⁶ Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972, P. 225.

Порция мяса, которую сохраняют для отсутствующего. 7. У кого нет кости, называющейся «حَرْقَفَةٌ» имеет наряду с عَزْلٌ следующие формы множественного числа: عَزَلٌ, عَزْلَانٌ, عَزَالٌ, مَعَازِلٌ; форма женского рода عَزْلَاءٌ со значением «1. Зад, ягодицы (у четвероногого животного). 2. Отверстие бурдюка или мешка с провизией» имеет отдельные формы множественного числа عَزَالِي, عَزَالِي. Имя مُعَزٌّ со значениями «1. Жесткий (земля). 2. С большим количеством щебня (земля)» имеет форму множественного числа أَمَاعِزٌ (ср. с моделью «элатива/суперлатива»), при форме женского рода مَعَزَاءٌ указаны формы множественного числа مُعَزٌّ (стандартная) и مَعَزَوَاتٌ. Также имя أَعْمَى имеет при значениях «1. Слепой, страдающий слепотой. 2. Темный, в котором ничего не видно. 3. Находящийся в поре спаривания (верблюды). 4. Жара, наиболее сильная в полдень» формы множественного числа أَمْيَانٌ и أَمْيِي, а при значениях «1. Безумные, слепые. 2. Невежественные, глупые. 3. Пустыни, места, где нельзя найти ни поселений, ни знаков, по которым путник может направляться. 4. Большие, длинные, большого роста» форму أَعْمَاءٌ. Кроме того, в поэзии форма множественного числа может иметь вид فُعَلٌ (например, «красный»: м.р. أَحْمَرٌ, мн.ч. حُمْرٌ) – это поэтический прием, результат требования стихотворного размера.

Но такие отклонения не особо часты, при этом у многих таких прилагательных имеются одновременно как канонические, так и периферийные формы множественного числа: например, «шелудивый»: м.р. أَجْرَبٌ, мн.ч. جُرْبٌ, جَرَبِي, أَجَارِبٌ. Между тем, В.Фишер отмечает, что у упомянутого прилагательного أَجْرَبٌ существуют две формы женского рода: наравне со стандартной جَرْبَاءٌ встречается также جَرْبَةٌ, образованная по модели женского рода прилагательного вида فَعْلَانٌ (ср. سَكْرَانٌ «пьяный» - سَكْرَى «пьяная»).

Отметим также нередкие случаи, когда различные прилагательные модели أَفْعَلٌ - со схожей семантикой имеют частичные корневые совпадения – они могут иметь один или два общих радикала, напр.: أَبْرَقُ, أَبْرَقُ, أَبْرَشُ «пятнистый», أَعْبُرُ, أَرْقَطُ, أَرْقَمُ, أَرْقَشُ и أَرْمَدُ, أَرْبَدُ «в пятнах, в точках, в разводах»,

أَعْبَسُ, أَعْبَثُ, أَعْبَثُ «пыльный, пыльно-серый, пыльный и грязный, грязно-бурый», أَفْتَرُ, أَفْتَمُ «пыльный, дымный», أَحْشَبُ, أَحْشَبُ «твердый», أَجْرَدُ, أَجْرَدُ, أَجْرَدُ, أَجْرَدُ «гладкий, безволосый», أَصَمُّ, أَصَمُّ «глухой, немой», أَصْحَبُ, أَصْحَبُ «желтый»⁹⁷. Впрочем, в арабском языке достаточно много случаев подобной синонимии при совпадении радикалов в разных корнях; совпадающие части корня, состоящие из двух согласных (нередко это могут быть также не одни и те же согласные, но близкие по месту образования), в некоторых работах называются двухбуквенными ячейками – на это указывали еще древнеарабские филологи. Ср. значения некоторых слов, однокоренных с названными выше прилагательными: بَرَشٌ «1. Маленькие пятна на теле лошади, другого цвета, чем общая масть. 2. Пятна на коже», بَرَقَ «блестеть, светить, быть блестящим», بَلَقَ/بَلَقَ «1. Быть пестрым, быть двух цветов, белого и черного. 2. Иметь белые до колен ноги (о лошади)», بَقَعَ «быть пестрым из белого и черного». Ср. также примеры на подобные ячейки среди других корней: خَرَمَ «проколоть», خَرَقَ «сделать отверстие; разорвать», خَرَطَ «вырезать, вытачивать», خَرَشَ «поцарапать», خَرَزَ «просверлить, прошить (кожу шилом)», خَرَتَ «проколоть», خَرَبَ «разрушить»⁹⁸. Отметим все же, что среди приведенных выше примеров для рассматриваемых прилагательных в предпоследней группе со значением «глухой, немой» совпадает лишь один согласный – م.

Прилагательные, составляющие основную тему настоящей работы, могут относиться к людям (напр., для описания красоты предмета любви в арабской поэзии: أَيْبَضُ «белый, красивый, красавица», أَخِيْفُ «стройный, стройная», أَخِيْفُ الْخَصْرِ «с изящной талией», أَسْوَدُ الْأَجْفَانِ «черный веками, с черными веками», أَلْمَى «обладающий смуглыми губами, со смуглыми губами»⁹⁹, животным, предметам, созданным природой и человеком. Последнее касается прилагательных не только цвета, но и физического

⁹⁷ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 69.

⁹⁸ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998., 2-е изд., стр. 49.

⁹⁹ Фролова О.Б. Поэтическая лексика арабской лирики. Ленинград, 1984, стр. 23-24.

признака (здесь, возможно, понятие «физический» действительно не совсем годится) - напр., **عَنْتَرَهُ بِنِ الشَّدَادِ** : 11.4: **صَيْفِي** (1) ... **لا** (2) **أَفْلَا** (3) **وَ لا** (4) **فُطَارِي** (5) «меч мой (1)... не (2) зазубренный (3) и не (4) треснувший (5)»; **طَرِيفِ بِنِ أَبِي** (7) **دَحْوُونَ** (6) **الْمَقَمِّ** (5) **وَ زُورَاءُ** (4) **تُرَابٌ** (3) **ذُونُهُ** (2) **حَالَا** (1) **قَدْ** : 2.2: **وَحَب** «препятствовала (2) доступу к нему (3) земля (4) и косая (5) положением (6) могила с нишей в стене (расширяющаяся книзу) (7)»; **أَعْمَلْتُ** : 114.1: **الْحُطِيهِ** (1) «я пускал в ход (1) кирку (2) и нашел (3) скалу (4) из (5) камней (6) гладкую (7)»¹⁰⁰. Интересно, что некоторые из таких прилагательных являются даже терминами арабского стихосложения (напр., **أَثْمٌ** «щербатый; обозначает форму **فَعُولٌ**, подвергнутую усечению первого огласованного согласного», **أَعْدَبٌ** «лишенный рога; обозначает форму **مُفَاعَلَةٌ**, принявшую вид **مُفْتَعِلٌ**» и пр.)¹⁰¹.

В.Фишер замечает, что рассматриваемые нами прилагательные физического признака в первую очередь характеризуют соответствующую часть тела, а затем уже обладателя такой особенности, напр.: **أَثْلَاءٌ** «длинный» (шея) и «длинношей» (человек, газель); **أَزْرَقٌ** «с отливом» (глаз) и «имеющий глаза с отливом»¹⁰².

В книге Н.Н.Пурцеладзе¹⁰³ приводится подробный список эпитетов из арабской классической поэзии с указанием, к какому предмету, животному или лицу они относятся (речь в книге идет о специфическом для арабской поэзии приеме – замещении определяемого слова эпитетом, поэтому указаны не все эпитеты, встречающиеся в арабской поэзии, но лишь те, которые могут замещать определяемые ими имена, выступать вместо них). Примеры, использованные в работе, взяты из знаменитого сборника арабской доисламской поэзии «Муаллакат» (составлен в VIII веке н.э.). Среди этих эпитетов встречаются и рассматриваемые нами прилагательные. Укажем их: для людей: «женщина» - **شَمَطَاءٌ** «седая», **بَيْضٌ** «белые», **أَخْوَى** «имеющая темные

¹⁰⁰ Полосин В.В. Словарь поэтов племени 'абс VI-VIII вв. Москва, 1995, стр. 378, 212-213, 451.

¹⁰¹ Фролов Д.В. Классический арабский стих. Москва, 1991, стр. 310.

¹⁰² Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 56.

¹⁰³ Пурцеладзе Н.Н. Очерк по исторической поэтике (символ-формула в арабской поэзии). Тбилиси, 1990, стр 44-52.

губы = газель = девушка»; «мужчина» - **أَغْلَبُ** «имеющий толстую шею = лев = могущественный человек, вельможа»; «пастух» - **أَعْجَمُ** «иноплеменный»; «неимущие, голь (или земля, засуха, голод)» - **جَبْرَاءُ** «пыльный»; для частей лица и тела (Н.Н.Пурцеладзе перечисляет их вслед за эпитететами, относящимися к людям): «рот, губы» - **أَلْمَى** «темно-красный»; «щека» - **أَسْنِيْلٌ** «гладкая»; «пальцы» - **رُفْصٌ** «нежные, немозолистые (неогрубевшие)»; «волосы» - **شَيْبٌ** «седые»; «конь» - **أَذْهَمٌ** «черный», **جُرْدٌ** «короткошерстые», **شُعْتٌ** «лохматые»; для животных: «верблюд, верблюдица» - **أَشْوَاءُ** «подслеповатая», **شَوْلٌ** «стельные», **أَكْلَفٌ** «рыжеватый (или имеющий сморщенное от возбуждения лицо)», **جُلَّةٌ** «огромные», **خُوْرٌ** «имеющие обильное молоко», **أَمْيَاءٌ** «ослепшая», **أُدْمٌ** «светлые», **فُلْتٌ** «крепкие», **عَوَجَاءٌ** «выгнувшаяся»; «газель» - **أَحْقَبٌ** «большеглазые», **أَحْوَى** «имеющая темные губы и веки»; «онагр» - **أَحْقَبٌ** «белобрюхий»; «собака (или волк)» - **غُضْفٌ** «вислоухие», **غُبْسٌ** «серые»; «овца» - **زَحْرَاءٌ** «белая»; «лев» - **غُلْبٌ** «имеющие толстую шею»; «страусиха» - **أَزْعُرٌ** «малошерстый», **أَرْدَبٌ** «темно-серый»; «горный козел» - **غُصْمٌ** «имеющие на ногах белое пятно»; «ноги (антилопы)» - **صُنْعُ الْكُغُوبِ** «с узкими щиколотками» (пример на функцию спецификации, дословно «узкие щиколотками»); для явлений природы: «пальма» - **جَرْدَاءٌ** «короткошерстая»; «склон (гора)» - **دَفْوَاءٌ** «крутой»; «скала, утес» - **خُلْقَاءٌ** «крепкая и гладкая одновременно»; «камень (для очага)» - **صُمَّ** «глухие»; «гора, хребет» - **أَزْعَنٌ** «имеющая вершину», **عَبْلَاءٌ** «гранитная»; «облако» - **صَحْبَاءٌ** «золотистое», **حُطَلٌ** «проливающие»; для предметов: «меч» - **رَغْلَاءٌ** «длинный», **بَيْضٌ** «белые»; «копье» - **أَسْمَرٌ** «темное»; «кольчуга (или боевой отряд¹⁰⁴)» - **خَضْرَاءٌ** «зеленая (от ржавчины)»; «кувшин» - **أَزْحُرٌ** «блестящий»; «бурдюк» - **أَذْكُنٌ** «темного цвета»; «игральная стрела» - **أَصْفَرٌ** «желтая».

Указанный прием характерен не только для доисламской, но и для всей средневековой арабской поэзии; см., напр., у одного из выдающихся арабских поэтов Абу Нуваса (VIII-IX вв. н.э.) для понятия «вино» в качестве замещающих используются эпитеты «красное» (**حَمْرَاءُ**), «желтое» (**صَفْرَاءُ**),

¹⁰⁴ По всей видимости, имеется в виду боевой отряд, одетый в зеленые от ржавчины кольчуги

«золотистое» (شَحْبَاءُ), «белое» (بَيْضَاءُ), «голубое» (زُرْقَاءُ), «седое» (شَمَطَاءُ). Как мы видим, здесь все же достаточно много эпитетов не только цвета, но и физического признака, относящихся к неодушевленным предметам – природным явлениям или артефактам.

Там же указываются случаи употребления одних и тех же эпитетов для замещения различных предметов, животных, лиц и пр.; приведем те из них, которые образуются по модели, рассматриваемой нами: أَبْيَضُ, بَيْضَاءُ «белый, белая» - «меч», «человек» (безупречной репутации), «женщина» (благородного происхождения), «газель, антилопа», «битва, бой»¹⁰⁵, «кольчуга»; أَجْرَدُ «короткошерстый (гладкий)» - «конь», «пальма», «пика»; أَحْوَى «темно-(зеленый, синий, фиолетовый, коричневый)» - «газель», «волосы», «конь»; حَلْقَاءُ «крепкая и гладкая» - «скала», «небо»; أَدْهَمُ «черный» - «конь», «сосуд для вина», «верблюды»; شَحْبَاءُ «золотистый, рыжий» - «верблюдица», «вино», «облако»; أَدْمَى (периферийный вариант формы женского рода) «светлая» - «верблюдица», «антилопа»; أَوْجَاءُ «выгнувшаяся» - «верблюдица», «лошадь», «дикий осел»; أَدْكَنُ «темного цвета» - «бурдюк», «вода». Отметим и здесь возможность замещения этими эпитетами неодушевленных предметов и даже «событий» («битва»), обратим внимание на форму حَلْقَاءُ, замещающую понятия «скала» и «небо», в ее списке отсутствуют одушевленные существа.

Н.Н.Пурцеладзе замечает, что большая часть эпитетов является «украшающими», т.е. такие эпитеты имеют сверхположительную коннотацию, среди этих примеров упоминаются и рассматриваемые нами прилагательные.

В указанной работе также приводится список собственно прилагательных модели فُعْلٌ/فَعْلَاءٌ/أَفْعَلٌ, выступающих в роли замещающего эпитета: أَتْلَاءُ «длинношей», أَحَدُّ «легкий», أَحْقَبُ «белобрюхий», أَحْوَى «имеющий темные веки и губы», أَدْكَنُ «темного цвета», أَدْهَمُ «черный (вороной)», أَرْبَدُ «темно-серый», أَرْعَنُ «имеющий вершину», أَرْوَاءُ «чуткий»,

¹⁰⁵ По-видимому, белая от цвета мечей.

أَزْعَرُ «малошерстый», أَسْمَرُ «темный», أَصْفَرُ «желтый», أَعْحَمُ «иноплеменный»,
 أَعْلَمُ «отмеченный знаком», أَعْيَدُ «рыхлый», أَكْفَفُ «рыжеватый», أَلْمَى «темно-
 красный»; أَدَمٌ/أَدْمَاءُ «светлая/светлые», جُرْدٌ/جَرْدَاءُ
 «короткошерстая/короткошерстые», خَضْرَاءُ «зеленая», خَلْقَاءُ «крепкая и
 гладкая», دَفْوَاءُ «крутая (кривая)», رَعْلَاءُ «длинная», زَحْرَاءُ «белая (блестящая)»,
 شَمْطَاءُ «седая», شَحْبِيَاءُ «золотистая», عِبْلَاءُ «гранитная», عَثْوَاءُ «подслеповатая»,
 عَمِيَاءُ «слепая», أَوْجَاءُ «выгнувшаяся», غَبْرَاءُ «пыльная», وَجْنَاءُ «дородная»; بَيْضٌ «
 белые», خُورٌ «имеющие обильное молоко», شُمَّتٌ «лохматые», شُمَّ «глухие»,
 عَصْمٌ «имеющие на ногах белое пятно», غُلْبٌ «толстошеие».

Н.Н.Пурцеладзе показывает, что некоторые из этих замен имеют параллели в поэзии других языков: так, «зеленый» в арабской поэзии замещает «боевой отряд» или «кольчугу», в старофранцузской поэзии обозначает «щит»; «белый» обозначает «женщину благородного происхождения», «благородного человека» в арабской, исландской и сербской поэзии.

Мы видим большую проблему в характеристике и описании прилагательных с таким значением, как, например, «высокий» или «толстый», которые нельзя с полной уверенностью поставить в один ряд с более очевидными прилагательными физического признака, такими как «хромой» или «большеглазый». Прилагательные с такими значениями, как «большой», «длинный» или «тонкий» встречаются как среди образованных по рассматриваемой нами модели, так и среди образованных по другим моделям, по которым образуются имена и совсем другой семантики, напр., ضَخْمٌ «толстый, огромный»; جَلَلٌ «огромный»; سَجْحٌ/سُجْحٌ «ровный, гладкий (о дороге)» и пр., не говоря уже об одной из самых продуктивных именных моделей كَبِيرٌ «большой»¹⁰⁶. Возможно, различие между такими прилагательными, входящими в группу أَفْعَلٌ и не входящими в нее, заключается в том, что в первом случае прилагательные относятся, как

¹⁰⁶ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр 79, 81, 83, 87, 85.

правило, к живому существу, во втором же они обозначают признаки, применимые ко всему (как различаются в русском языке «рослый» и «высокий»). Заметим, однако, во-первых, что в арабском языке имена для животных как правило не объединяются вместе с именами для людей по морфологическому принципу - например, прилагательные, согласующиеся во множественном числе с именами, обозначающими людей, обычно либо выступают в особой форме множественного числа (حُكَمَاءُ (1) كِبَارُ (2) «большие (2) судьи (1)» от كَبِيرٌ «большой»), либо (в случае с причастиями) принимают показатели множественного числа, присущие одушевленным именам (حُكَمَاءُ (1) عَارِفُونَ (2) «знающие (2) судьи (1)»), а согласуясь с именами, обозначающими животных, они выступают в форме женского рода (но كِبْرَةٌ (1) كِلَابٌ (2) «большие (2) собаки (1)», ср. شَجْرَةٌ (1) كَبِيرَةٌ (2) «большое (2) дерево (1)»). Во-вторых, вспомним, что и среди рассматриваемых нами прилагательных есть значения, присущие именно неодушевленным предметам.

Отметим также, что форма множественного числа فُعْلٌ для прилагательных цвета и физического признака употребляется для обоих родов как одушевленных (людей и животных), так и неодушевленных имен (ср. بَيْضٌ رِجَالٌ «белые мужчины», بَيْضٌ كِلَابٌ «белые собаки», بَيْضٌ أَسْيَافٌ «белые мечи»), каковой факт также должен свидетельствовать в пользу обособленности рассматриваемой группы.

Помимо всего прочего, прилагательные рассматриваемой модели فُعْلٌ/فَعْلَاءُ/أَفْعَالٌ могут иметь иные значения, не связанные с цветом или физическим признаком - это может быть результат своеобразного развития семантики (например, أَبْقَاءٌ «пятнистый; покрытый пятнами проказы; забрызганный, обрызганный (человек, достающий воду из колодца)»), но нередко это может быть единственное значение (например, أَحْمَقُ «глупый»).

По всей видимости, для носителей арабского языка должно быть что-то общее между цветом и физическим признаком, такой компонент значения, на основании которого такие прилагательные образуются по одной модели (скорее всего, прилагательные цвета приобрели такую модель таким же

способом, как и прилагательные физического признака). В.Фишер предлагает более или менее очевидное, лежащее на поверхности объяснение – цвет и физический признак (ученый, впрочем, говорит только о физическом недостатке) суть качества, легко различимые глазом (*eye-catching qualities*)¹⁰⁷; ср., впрочем, – признаки «немой» или «глухой» глазом не различимы, разве что можно предположить, что они образованы по той же модели, что и «слепой» или «хромой» по аналогии, но такое утверждение будет слишком смелым; тем более, что признаки «большой» и «высокий», чаще выражаемые другими моделями, различимы глазом. Несмотря на это, мы имеем основание опираться на мысль В.Фишера, которая, кстати, противоречит идее А.Вежбицкой о том, что существительные, в отличие от прилагательных, называют сущности хорошо ощущаемые (*highly visible, noticeable*)¹⁰⁸ – в ситуации с арабскими прилагательными все, похоже, наоборот. (Не следует, однако же, забывать, что В.Фишер, подробно рассматривая прилагательные данной модели, изначально отделяет прилагательные со значением цвета от всех прочих). К.Брокельманн предлагает, на наш взгляд, более подходящее общее значение: прилагательные цвета и физического признака обозначают сильно выдающуюся особенность (*stark anhaftende Eigenschaft*)¹⁰⁹.

В арабской лексикографии можно встретить специальные труды, посвященные физическим особенностям человека и окружающей природы. «Бедуин веками наблюдал за различными состояниями и переходами окружавших его флоры и фауны. Он мобилизовал все богатство изобразительных средств арабского языка для передачи многообразия их нюансов. У истоков арабской лексикографии лежит ряд трудов небольшого объема, буквально пестрящих «верблюжьими» примерами, а обилие слов, связанных с верблюдом, воспринимается почти анекдотически. В палитре

¹⁰⁷ Fischer W. *Classical Arabic // The Semitic Languages*, ed. R. Hetzron. London – New York, 1997, P. 192.

¹⁰⁸ Wierzbicka A. *What's in a Noun? (How do nouns differ in meaning from adjectives?) / Studies in language*. 1986, 10, P. 356.

¹⁰⁹ Brockelmann C. *Arabische Grammatik*. Leipzig, 1953, P. 40.

красок для обозначения предметов окружающего мира у бедуина также находят отражение многие понятия, связанные с человеком, животными, птицами, насекомыми, деревьями, кустарниками, травами и т.п. Число одних только названий лексикографических сочинений обо всем, что с этим связано, не поддается охвату»¹¹⁰. Автор приводит в качестве примера различные лексикографические труды, посвященные физическим особенностям человека, лошади, других животных. Очевидно, что в таких трудах встречается и описывается довольно большое количество рассматриваемых нами прилагательных. Однако, судя по процитированной работе, там не проводится четкого деления на способы образования имен для обозначения предметов окружающего мира и их особенностей. (Что касается семантики, то в таких трудах приводятся не только имена для обозначения внешности, но также и разные наименования для собственно человека или лошади, «связанные» с ними междометия, и прочие слова, уже мало относящиеся к физическим особенностям - для лошади это, например, способы верховой езды, навыки владения при этом оружием.) В процитированной выше работе В.С.Рыбалкина нет сведений о каком-либо специальном лексикографическом труде, посвященном рассматриваемым нами прилагательным. Точно так же в арабских трудах, посвященных формо- и словообразованию, не акцентируется значение тех или иных способов образования. Из этого следует, видимо, сделать вывод, что арабская лингвистическая традиция не выделяла такие прилагательные в отдельный класс или подкласс, учитывая одновременно их семантику и форму.

2.2 Имена, образованные по сходным моделям

Б.М.Гранде отмечает, что по модели أَفْعَلٌ -, помимо рассматриваемых нами прилагательных и форм элатива и суперлатива мужского рода единственного числа, образуются имена абстрактные (أَزْمَلٌ «жужжание») (в

¹¹⁰ Рыбалкин В. С. Арабская лексикографическая традиция. Киев, 1990, стр.24-25.

словаре А. де Биберштейна-Казимирского для этой формы приводятся значения «мало различимый, неясный шум, нечистый звук» (ср. *إِزْمُولَةٌ* и *أَزْمُولَةٌ* «кричащий» (в особенности о горных козлах)) и «семья, дом» (ср. *رَمْلَةٌ*, *أَزْمَلَةٌ*), *أَفْكَانٌ* «содрогание» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского формы *أَفْكَانٌ* и *إِفْكَانٌ* означают «страх, дрожь, которой охвачен боящийся» (ср. *مَفْكَوْلٌ* «охваченный страхом» по модели пассивного причастия первой породы) и «зеленый дятел», *أَوْلَقٌ* «безумие» (ср., однако, в словаре А. де Биберштейна-Казимирского форму *مُؤَوْلَقٌ* «сумасшедший, охваченный приступом безумия», возможно, в данном случае мы имеем дело с четырехконсонантным корнем¹¹¹. Что касается имен конкретных, приводимых Б.М.Гранде в качестве примеров подобной модели (*أَزْنَبٌ* «заяц», *أَفْعَاءٌ* «змея», *أَرْمَلٌ* «вдовец; не имеющий средств к существованию»¹¹², то ни об одном из них мы не можем с определенностью сказать, что *أ* не является здесь частью корня (насчет лексем *أَرْنَبٌ*. Первичным именем, которое может быть образовано по соответствующей модели, имеет смысл считать числительное *أَرْبَعٌ* «четыре» (ср. *رَابِعٌ* «четвертый»); В.Фишер приводит также имя *أَثْلَبٌ* «гравий» с вариантом *إِثْلَبٌ*. В.Фишер пишет также о нескольких именах той же модели: *أَبْهَلٌ* – в классическом арабском название плода, в современном арабском представлен в значении «безрассудный, легкомысленный» с вариантами *أَبْلَةٌ* (в классическом арабском эта форма имела значение «наивный, беззаботный, безобидный») и *أَهْبَلٌ*; *أَجْدَلٌ* «крепко закрученный, крепкий» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма имеет вид *أَجْدَلٌ*, но при этом, как было показано выше, набор форм несколько отличается от стандартного набора для прилагательных цвета и физического признака указанной модели, а также название хищной птицы; *أَخِيْلٌ*, возможно, также название хищной птицы, В.Фишер указывает, что значение «особенно выделяющийся отметиной» («durch ein Mal besonders charakterisiert»), даваемое арабскими лексикографами в виде *أَخِيْلٌ* (в таком же виде эта форма дается в словаре А. де

¹¹¹ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 93.

¹¹² Там же. стр. 93.

Биберштейна-Казимирского со значениями: «1. Имеющий знаки красоты ха\lun на лице (qui a des signes, des grains de beaute; خَالٌ au visage). 2. мн. أَخَائِلٌ Белый сокол из хорошего гнезда. 3. Тот, у кого лучше, живее воображение, чем у другого. 4. Высокое мнение о себе, высокомерие, надменность. 5. мн. خَيْتٌ Птица с пятнистыми перьями, воспринимаемая как плохое предзнаменование», ему в текстах не встретилось, напротив, он указывает на контекст с формой أَخِيلاً, которая не может быть формой имени أَخِيْنٌ. К этой же группе В.Фишер относит также имя حَوْجَلٌ «вызывающий страх, страшный», которое он сближает с прилагательным أَوْجَلٌ подобного значения. Между тем в словаре А. де Биберштейна-Казимирского указанные формы имеют разные значения: أَوْجَلٌ «боящийся кого-л.», кроме того, форма وَجَلَاءٌ для женского рода указана как неправильная, в качестве лучшего варианта приводится форма وَجَلَةٌ, каковой выбор, по всей видимости, немотивирован, поскольку такая форма не является стандартной для обозначения женского рода у прилагательных модели أَفْعَلٌ; حَوْجَلٌ «1. Идущий быстрым, ускоренным шагом (верблюдица). 2. Превосходный проводник, знакомый с дорогами. 3. Тяжеловесный, с медленной походкой. 4. Глупый. 5. Большой, длинный и глупый, во всем действующий с поспешностью, некстати и неловко. 6. Медленный, тяжелый и вялый шаг. 7. Очень длинная ночь. 8. Пустыня, в которой нельзя найти никакого знака, по которому мог бы направляться путник. 9. Остаток сна, желание спать у человека, который неудачно поспал. 10. Якорь. 11. Женщина с очень широкой вагиной. 12. Бесстыдная, распутная женщина».

Принципиальное отличие названных имен с окончанием ُ— от модели для прилагательных цвета и физического признака с окончанием ُ—.

У.З.Кариев указывает, что модель أَفْعَلٌ является также моделью для имени действия (масдара), абстрактного имени и конкретного имени¹¹³.

¹¹³ Кариев У.З. Словообразование имен существительных и прилагательных в современном арабском литературном языке. Москва, 1966, табл. 1.

Некоторые модели разбитого множественного числа также начинаются на **أ**: **أَبْحُرٌّ** от **بَحْرٌ** «море», **أَرْجُلٌ** от **رَجْلٌ** «нога», **أَقْفَلٌ** от **قَفْلٌ** «замок», **أَقْدَمٌ** от **قَدَمٌ** «ступня», **أَذْرُعٌ** от **ذِرَاعٌ** «локоть»; **أَشْخَصٌ** от **شَخْصٌ** «личность», **أَطْفَالٌ** от **طِفْلٌ** «ребенок», **أَقْفَالٌ** от **قَفْلٌ** «замок», **أَمْطَارٌ** от **مَطَرٌ** «дождь», **أَنْمَارٌ** от **نَمْرٌ** «тигр», **أَرْطَابٌ** от **رُطْبٌ** «свежие финики», **أَطْنَابٌ** от **طُنْبٌ** «веревка», **أَشْحَابٌ** от **شَاْحِبٌ** «друг», **أَشْرَافٌ** от **شَرِيفٌ** «благородный»; **أَطْعَمَةٌ** от **طَعَامٌ** «пища», **أَتْرِبَتٌ** от **تُرَابٌ** «пыль», **أَسْلِحَةٌ** от **سِلَاحٌ** «оружие», **أَرْغِفَةٌ** от **رَغِيفٌ** «лепешка», **أَعْمَدَةٌ** от **عَمْدٌ** «колонна»; **أَصْدِقَاءٌ** от **صَدِيقٌ** «друг»¹¹⁴. Очевидно, впрочем, что в случае с прилагательными, являющимися основным объектом рассмотрения в нашей работе, показателем не может являться **أ** сам по себе, но по крайней мере сочетание **أَ**. То же следует сказать и о показателе для формы женского рода, каковым является не **اء**, но сочетание **اءِ**. Таким образом, приводя здесь и ниже примеры, в которых мы находим лишь части указанных показателей, мы не стремимся сблизать их с прилагательными цвета и физического признака и также не претендуем на открытие субморфов или «подпоказателей» в арабском языке. В данном случае мы лишь обращаем внимание на некоторые особенности арабского именного словообразования.

Помимо основы формы женского рода прилагательных цвета и физического признака, на **اءِ** в арабском языке заканчиваются основы форм множественного числа от имен одушевленных мужского рода (напр., **فُعْلَاءٌ** - **عُلَمَاءٌ** «ученые», **أَقْرِبَاءٌ** - **أَفْعِلَاءٌ** «родственники» (эта форма, как можно видеть, имеет также префикс **أَ**)), а также различные основы имен женского рода, в том числе и с адъективными значениями (при этом не имеющие формы мужского рода): **فَخِيرَاءٌ** (однако есть и вариант **فَخِيرَى**, см. ниже) «гордость», **صَخْرَاءٌ** «пустыня», **ثَلَاثَاءٌ** «вторник»; **قَصَبَاءٌ** «камыш, тростник», **طَرْفَاءٌ** «разновидность дерева», **حَلْفَاءٌ** «разновидность водорослей»; **حَسَنَاءٌ** «красивая» (здесь, впрочем, возможна контаминация с «элативной» (интенсивной) формой **أَحْسَنٌ** (мн.ч. **أَحْسِنٌ**)), **هَطْلَاءٌ** «сильный и продолжительный (о дожде)»¹¹⁵;

¹¹⁴ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 279, 280, 282.

¹¹⁵ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974, P. 185.

فَحْشَاءُ «внушающая ненависть» и пр.; отглагольные имена جَرِيَاءُ «течение, ход», نُبَاءُ «зевота», بَعْكَاءُ «шум», خِيَالَاءُ/خِيَالَاءُ «высокомерие, гордость», ضُرُورَاءُ «необходимость». Ср. тж. форму أَرْبَاءُ в словосочетании العرب العرباء «арабы чистой расы». Некоторые имена модели فَعْلَاءُ со значением местности имеют варианты с формой мужского рода أَفْعَلُ: أَبْطَحُ и بَطْحَاءُ «гравий и грубый песок, осаждаемый на мелком месте в русле реки в вади», أَمْعَرُ и مَعْرَاءُ «земля, покрытая большими и маленькими обломками камня»¹¹⁶. Иногда встречаются прилагательные женского рода на ءِ, образованные от прилагательных на -انْ - جَدْلَاءُ «радостная» (от جَدْلَانُ), حَيْرَاءُ (наравне с حَيْرَى «растерянная, изумленная» (от حَيْرَانُ)¹¹⁷ – здесь, по-видимому, также пример контаминации с формой женского рода на ا. В.Фишер утверждает, что такая контаминация для прилагательных редка; напротив, среди субстантивных значений встречается большое число примеров на дуплетные формы هَيْجَاءُ/هَيْجَى: فَعْلَاءُ/فَعْلَى «суматоха во время битвы», تَرْبَاءُ/تَرْبَى «земля, пыль», صَخْرَاءُ/صَحْرَى «открытая равнина»¹¹⁸. Ср. тж. контаминацию среди других форм, оканчивающихся на ءِ/ءِ: عَهْبَاءُ/عَهْبَى «лучшие годы жизни», جُفْرَاءُ/جُفْرَى «покров почки соцветия женской финиковой пальмы», سُمِّيْهَاءُ/سُمِّيْهَى «солнечная пыль, нечто, не имеющее ценности»¹¹⁹, سُلْحَفَاءُ, سُلْحَفَى (а также سُلْحَفَاتٌ) «черепахи»¹²⁰. В.Фишер отмечает также, что в других семитских языках также наличествует подобная контаминация показателей ءِ/ءِ. Ученый также считает, что показатель ءِ есть склоняемый вариант показателя ا, где ء- является протетическим между долгим гласным и флексией, что вполне свойственно для арабского языка; доказательством этому служит, например, тот факт, что заимствованные из арамейского названия дней недели изначально оканчивались на показатель особого состояния.

Тем не менее, в результате мы видим распределение моделей: فَعْلَاءُ в качестве формы женского рода для أَفْعَلُ и فَعْلَى для فَعْلَانُ. Как уже было указано

¹¹⁶ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 210.

¹¹⁷ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974, P. 185.

¹¹⁸ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 210.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. стр. 37.

выше, для адъективных значений они, как правило, не смешиваются. М.Годфруа-Демомбин и Р.Блашер замечают, что существительное **صَحْرَاءُ** «пустыня» развилось из формы женского рода от прилагательного **أَصْحَرُ** «желтый» и выступало изначально в виде согласованного определения к существительному женского рода **أَرْضٌ** «земля», которое позже отпало (см. однако выше вариант **صَحْرَى**)¹²¹; форма **بِضَاءٌ** с тем же значением образовалась по аналогии от корня **BYD** «теряться»¹²²; ср. значения в **أَصْحَرُ** «1. Белый, смешанный с красным. 2. Рыжеватый», **صَحْرَاءُ** «1. форма женского рода от (*fém. de*) **أَصْحَرُ**. Белая, смешанная с красным. 2. Рыжеватая, бурая. 3. мн. (pl.) **صَحْرَى**, **صَحْرَاوَاتٌ**, **صَحْرَى**. Лишенное растительности поле, широкая и пустынная равнина». См. также, например, формы мужского рода **حَرْبَاءٌ** «хамелеон», **حَرْبَاءٌ** «каменистая область», **سَهْوَاءٌ** «часть (ночи)»; **حَوَاءٌ** «разновидность растения», **قُوبَاءٌ** «лишайник», **مُرَاءٌ** «вино определенного качества» - эти имена мужского рода единственного числа отличаются от всех прочих, имеющих показатель **ءا** и относящихся к женскому роду или множественному числу¹²³.

По модели **فُعْلٌ** (форма множественного числа рассматриваемых прилагательных) образуется достаточно много имен: имена «первичные», т.е. простейшие (Б.М.Гранде называет их «имена конкретные») (**أُذُنٌ** - «ухо», **رُمْحٌ** «копье», **كُوبٌ** «чаша»), имена действия (масдары, т.е. уже производные) и имена абстрактные (**ثُقْلٌ** - «тяжесть», **فُبْحٌ** «безобразие», **رُهْبٌ** - «боязнь»), названия дробей (**ثُلُثٌ** «треть», **رُبْعٌ** «четверть»)¹²⁴, прилагательные (редко) (**صُنْبٌ** «твердый», **حُلْوٌ** «сладкий», **مُرٌّ** «горький»); бывают чередования с моделью **أُذُنٌ فُعْلٌ** и **أُذُنٌ** - «ухо»¹²⁵ (Дж.Ц.Фокс отмечает также, что указанная модель выступает в дуплетах с моделями **فُعْلٌ فُعْلٌ**, **فُعْلٌ فُعْلٌ** и **بُخْلٌ** - «слепота», **وُلْدٌ**,

¹²¹ Ср., однако, родственное аккадское имя $s\geq e\grave{g}um$ «пустыня, степь, открытая местность» [Whiting 1981, 17].

¹²² Gaudefroy-Demombynes M. et Blachiere R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952, P. 113.

¹²³ Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972, P. 37.

¹²⁴ Fox J.T. Noun patterns in the Semitic languages. Cambridge, Massachusetts, 1996 (dissertation), P.297.

¹²⁵ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998. 2-е изд., стр. 79-80.

ولد, وُلِدَ и وُلْدٌ «ребенок», سِفْلٌ и سَفْلٌ «нижняя часть»¹²⁶. Есть не очень частые случаи образования по этой модели форм множественного числа от других имен – أُسْدٌ (более частый вариант أُسْدٌ – мены полногласия и неполногласия) от أُسْدٌ «лев», دَوْرٌ от دَارٌ «дом». У Райта приводятся примеры образования множественного числа по такой модели от моделей فُعَالٌ, فِعَالٌ и فُعَالٌ, образованных от глаголов со вторым радикалом و (عَوَانٌ - عَوْنٌ «замужняя женщина средних лет», سُورٌ - سُورٌ «браслет»; в этом случае эта модель также может пересекаться с سِوَاكٌ - سِوَاكٌ: فُعَلٌ «зубочистка»), и от модели действительного причастия فَاعِلٌ, также образованных от глаголов со вторым радикалом و (حَائِلٌ - حَوْلٌ «опорос», عَائِطٌ - عَوِطٌ, но также и عَيْطٌ «не рожаящая в течение нескольких лет»); здесь также встречаются пересечения с моделью فُعَلٌ: فَرُخٌ - فَرُخٌ: فُرُخٌ, فَارُخٌ - فَارُخٌ: فُعَلٌ «верблюдица»¹²⁷. М. Годфруа-Демомбин и Р. Блашер приводят примеры и для обычных корней и некоторых других моделей: كُتِبٌ - كِتَابٌ (однако более частотной является форма كُتِبٌ – здесь снова пересечение моделей) «книга», قُضِبٌ - قَضِيبٌ «жезл» (упоминается также модель فُعُولٌ)¹²⁸. А. Фляйш упоминает, что классический арабский грамматист Сибавейхи считал модель множественного числа فُعَلٌ диалектной. В поэзии случается как редукция модели فُعَلٌ в فُعَلٌ, так и, наоборот, растяжение модели فُعَلٌ в فُعَلٌ. У Райта отмечается интересный факт: прилагательные женского рода بتَعَاءٌ и بَصَعَاءٌ, значащие «весь» образуют формы множественного числа соответственно جُمُعٌ, كُتْعٌ, بَصْعٌ и بَتْعٌ, значащие «все вместе» – с гласным [i] после второго радикала и без нунации¹²⁹.

В. Фишер сближает с прилагательными модели أَفْعَلٌ несколько прилагательных, образованных по другим моделям, изначально обозначавших масти лошадей и заимствованных из персидского языка: جُونٌ «пестрый, сильно окрашенный» (см. тж. в словаре А. де Биберштейна-Казимирского «1. Темно-красный. 2. Черный. 3. Белый», كَمِيْتٌ «гнедой» (см.

¹²⁶ Fox J.T. Noun patterns in the Semitic languages. Cambridge, Massachusetts, 1996 (dissertation), P. 294, 259, 277.

¹²⁷ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974, P. 200.

¹²⁸ Gaudefroy-Demombynes M. et Vlachy R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952, P. 185.

¹²⁹ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974, P. 200.

тж. в словаре А. де Биберштейна-Казимирского «1. Караквый»), **وَرْدٌ** «соловый» (см. тж. в словаре А. де Биберштейна-Казимирского «5. Розовый. 6. Рыжий, рыжеватый, среднего цвета между **كُمَيْتٌ** и **أَشْفَرٌ** (о лошади). 7. Лев (рыжий)»), возможно, «соловый»). Сюда же В.Фишер причисляет также прилагательные **حَشْرٌ** «худой», **كَتْ** «2. Густой, сгущенный (жидкость). 3. Густой, обильный (борода)». Все эти прилагательные образуют форму множественного числа по модели **فُعَلٌ** так же, как и прилагательные модели **أَفْعَلٌ**: **جُونٌ**, **كُمْتٌ**, **وَرْدٌ**, **حَشْرٌ**, **كَتْ** (ср. **أَحْمَرٌ** - **حَمْرٌ**); впрочем, прилагательное **كُمَيْتٌ** имеет также форму множественного числа **كَمَاتِي**, прилагательное **ورد** имеет также форму множественного числа **وَرَادٌ**, прилагательное **كَتْ** имеет также форму множественного числа **كَتَاتٌ**; В.Фишер упоминает также имена **رَهْنٌ** и **نُطٌّ**, также образующие подобные формы множественного числа, однако словарь А. де Биберштейна-Казимирского не дает таких форм, при этом форма **نُطٌّ** приводится для прилагательного **أَنْطٌ** «имеющий редкую бороду, малую растительность на подбородке». Формы женского рода у этих прилагательных образуются с помощью наиболее распространенного среди имен арабского языка показателя – **ةٌ** .

2.3. Проблема двухпадежности

Здесь следует подробно остановиться на важной для арабского языка проблеме двухпадежности. В отличие от большинства имен арабского языка, имеющих в единственном числе три падежа (именительный на **ـُ**, родительный (и припредложный) на **ـِ** и винительный на **ـَ**), существует несколько групп имен, имеющих в единственном числе, но только в неопределенном состоянии лишь два падежа: именительный на **ـُ** и косвенный на **ـِ**. (В двойственном и множественном числе арабские имена имеют два падежа.) Кроме того, такие имена в неопределенном состоянии не принимают нуацию – стандартный для большинства имен арабского языка показатель неопределенного состояния – **ـٌ**, ставящийся после падежной

флексии. В остальных состояниях - определенном (с определенным артиклем) и сопряженном (перед именем обладателя) - эти имена имеют все три падежных окончания. К двухпадежным именам относятся, в частности, прилагательные цвета и физического признака (в мужском и женском роде) и формы сравнительной и превосходной степени (в мужском роде единственного числа), этим они отличаются от указанных выше имен, образованных также по модели **أَفْعَلٌ**; имена женского рода, у которых основа оканчивается на **اء** также двухпадежные. Также в эту группу входят: формы разбитого множественного числа, образованные по модели **فَوَاعِلٌ** (напр., **فَوَارِسٌ** «всадники») и **فَعَائِلٌ** (**جَوَانِرٌ** «острова»), а также другие подобные им модели множественного числа, состоящие из четырех слогов и имеющие те же огласовки, напр., **مَعَارِفٌ**, формы разбитого множественного числа по модели **فُعَلٌ** от **فُعْلَى** (от **كُبْرَى** «великая»), формы разбитого множественного числа, оканчивающиеся на **اءَ** (**أَفْعَلَاءٌ** и **فُعَلَاءٌ**), так же как и форма женского рода прилагательных, составляющих основной предмет настоящей работы (**وزراء** «министры», **أَصْدِقَاءٌ** «друзья»), имена, оканчивающиеся на **أ** (**ذِكْرَى** «память», **دُنْيَا** «мир, вселенная», формы разбитого множественного числа **فُعَلَى** «убитые») и **فَعَالَى** (**كَسَالَى** «ленивые») (у этих имен падежные окончания, по-видимому, отпали, так что отнесение их к группе «двухпадежных» имен производится в арабистике по причине отсутствия нунации – по сути дела, эти имена «беспадежные»), прилагательные модели **فَعَلَانٌ** (при условии, что форма женского рода у этих прилагательных – **فَعَلَى**) (**سَكَرَانٌ** «пьяный»), числительные разделительные по моделям **ثَلَاثٌ** и **مَثَلَاثٌ**, некоторые мужские и женские имена собственные (**عِمْرَانٌ**, **إِبْرَاهِيمُ**, **يَزِيدٌ**, **عُمَرُ**, **عَقْرَبٌ**, **فَاطِمَةُ**, **زَيْنَبٌ**, **هِنْدٌ** (вариант **هِنْدٌ**)), некоторые топонимы и гидронимы (**مِصر** «Египет», **حلب** «Халеб», **حَضْرَمَوْتُ** «Хадрамаут»; **دَجَلَةٌ** «Тигр»)¹³⁰. Н.В.Юшманов в работе, посвященной непосредственно двухпадежным именам, вышедшей в 1941 году и переизданной в 1998 году, отмечает также, что арабские числительные

¹³⁰ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 293-296.

трехпадежны в вещественном значении, но двухпадежны в отвлеченном значении математических величин (3) القلب (2) تُفَرِّج (1) ثلاثة (1) «три вещи (1) увеселяют (2) сердце (3)», но (3) من ثمانية (2) أكثر (1) تسعة (1) «девять (1) больше (2) восьми (3)»), что позволяет арабским филологам рассматривать числительные во втором примере как собственные имена, равно как и двухпадежные поэтические олицетворения – بَرَّةُ «Благочестие» и فَجْرَةٌ «Нечестивость». Н.В.Юшманов также относит к двухпадежным именам, оканчивающиеся на неизменяемый ِ– (эти имена не склоняются, однако для ученого здесь важно непринятие ими нунации): такие собственные имена, как فُجَّارٌ, ظَفَّارِي, سَبْوِيهِ.

Полемизируя с К.Брокельманном, который утверждал, что двухпадежное склонение является арабской новацией, Н.В.Юшманов, напротив, считает его более древним, чем трехпадежное, сопоставляя это со способами образования женского рода: более древний способ – мена показателя, более поздний – присоединение стандартного – َةَ: غَضِبِي, غَضِبَانُ «гневный», но عَرِيَانٌ «голый»; سَوْدَاءُ, أَسْوَدُ «черный», но أَرْمَلَةٌ, أَرْمَلٌ «вдовец». Далее он утверждает, что двухпадежность является пережитком языкового состояния, когда не было специального показателя для определенности – артикля, и таким образом двухпадежные имена представляют собой группы имен, определенных либо по содержанию (заимствованные собственные имена; имена собственные, образованные от глагольных форм и др.), либо по форме (имена, содержащие родовые показатели, в т.ч. прилагательные цвета и физического признака женского рода). К именам, определенным по форме, Н.В.Юшманов относит и формы по модели أَفْعَلُ.

Между тем, взгляд на древние показатели неопределенного состояния в семитских языках со времени выхода статьи Н.В.Юшманова (1941 год) изменился: утверждается, что нунация (в других семитских языках мима́ция - م) изначально соответствовала, напротив, определенному состоянию, а позже была вытеснена другими показателями и стала обозначать неопределенное состояние. Тем не менее, даже если подвергать сомнению отдельные

положения в статье Н.В.Юшманова, касающиеся значения нунации, противопоставленность прилагательных цвета и физического признака более «стандартным» моделям очевидна, и их особые морфемы и двухпадежность очевидно должны свидетельствовать о том, что они выделяются среди имен арабского языка. Х.Вер также подробно пишет о двухпадежности указанных имен; более того, именно с формой **أَفْعَلٌ**, являющейся основным пунктом его работы, он связывает всю двухпадежность, считая, что большинство других двухпадежных моделей принимает такой набор показателей по аналогии, а еще некоторые имена оставляя в стороне¹³¹.

Между тем В.Фишер, анализируя модель **أَفْعَلٌ**, утверждает, что она является относительно поздней по образованию, свидетельством чему ученый приводит как раз двухпадежность, а также супплетивно образованные формы женского рода и множественного числа и тот факт, что **و** и **ي** в качестве вторых радикалов сохраняются, а не передаются с помощью долгих гласных (при изложении последнего аргумента В.Фишер ссылается на К.Брокельманна)¹³². Однако нам в этом случае представляется более убедительной аргументация Н.В.Юшманова о том, что двухпадежность является более древним явлением в арабском языке, равно как и супплетивизм при образовании форм женского рода и множественного числа.

2.4 Морфологические варианты рассматриваемых прилагательных

В арабском языке начальный **ء** иногда усиливается до **ع**: **عتجلٌ** и **أتجلٌ** «пузатый», Б.М.Гранде в качестве второй приводит форму **أتجلٌ** «имеющий толстый отвислый живот» с нунацией; для той же модели Б.М.Гранде приводит формы **عسلقٌ/عسلقٌ** «волк» (форма **سُلْقَانٌ** указывает на некорневое происхождение **ع**), **عُصْلَدٌ** (а также **عُصْلُوْدٌ**) и **صلدٌ** «твердый», **علكدٌ** «толстый» и **تكدٌ**

¹³¹ Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953, P. 609.

¹³² Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der alt-arabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 16.

«быть мясистым» с метатезой, عذمرة «скандалист» и نمر «рычать»¹³³. А.Фляйш приводит также пример عفضج «толстый» и تفضج «становиться жирным». В арабском языке можно встретить еще некоторые имена подобной семантики, имеющие префикс ع – عذافر «сильный и крупный (о верблюде)»; عضرس «белый как зуб» приводится другое значение – «сиреневый») (ср. عضرس «зуб»), عظم «темный (о ночи)» (ср. ظالم «темный»); عفشل «слабый и неловкий» (ср. فشل «ленивый, вялый»), عفضاج «толстый и мягкий» (ср. مفضاج «толстый»); عشنط «имеющий нежную кожу и красивое тело» приводятся другие значения – «1. Высокого роста; хорошо сложенный и достаточно жирный. 2. Умный») (ср. شناط «женщина хорошего сложения и имеющая красивый телесный цвет»), عشنج «имеющий сморщенный лоб» приводится другое значение – «нелюдимый человек, с которым сложно жить»¹³⁴. Приводимые Б.М.Гранде параллели, не имеющие префикса ع (для подтверждения его изначально некорневого статуса), образуются по различным именным моделям (напр., شناط «имеющий нежную кожу и красивое тело», شنج «морщинистый»). Отметим, что начальный ع, по всей видимости, все же осознается носителями как часть четырехконсонантного корня, являясь таким образом «квази-префиксом». По-видимому, эту группу с начальным ع следует воспринимать как особую категорию прилагательных, вторичных к рассматриваемым нами (они выровнялись по общей именной схеме и приняли нунацию) или параллельных, но по семантике входящих в группу, являющуюся основным предметом настоящей работы..

Отметим также варианты с другим вокализмом (также принявшими нунацию): ابرق (= ابرق) «сверкающий, блестящий», امعوز (= امعز) «каменистая земля», امروط (= امرط) «безволосый (haarlos), гладкий», امليد, املود (= املد) «гладкий, нежный», امليس (= املس) «безволосый (unbehaart), гладкий».

¹³³ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 94.

¹³⁴ Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 94.

2.5 Другие именные модели со схожей семантикой

Следует отметить, что в арабском языке встречаются прилагательные с семантически подобными значениями и образованные по другому типу. Ср., напр.: **برتقاليّ** «оранжевый» (образовано по модели упоминавшегося выше имени относительного с показателем –**ي** от **برتقال** «апельсин»); **أذون** «ушастый» (от **اذن** «ухо») (древняя модель страдательного причастия первой породы); **فاحم** «угольно-черный» (модель действительного причастия первой породы, причем в данном случае первичным является имя, а не глагол – **فحم** «уголь»); **شونب** «рослый» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма не засвидетельствована); **مبطان** «толстопузый» (от **باطن** «живот»).

Обратим внимание на особые редкие словообразовательные группы с подобными значениями: группа моделей с редупликацией: **حورورة** «имеющая белый цвет лица (о женщине)» (в форме мужского рода – **حورور** – это имя означает «что-то, нечто»; ср. **حواريّ** «белый», **شجوجي/شجوجاء** (ж.р. **شجوجة**) «очень длинный и худой, с длинными ногами» (между тем, среди имен этой модели встречаются и другие значения, напр.: **غشمشم** «энергичный, смелый», **عصصب** «очень жаркий (о дне)», **رنونات** «круговая чаша»); **طرطور** «долговязый и глупый», **صُرُور** «огромный» (о верблюде) (имя **صرصور** (а также **صرصر** и **صِرصر**) означает также «сверчок», ср. также **زرزور** «скворец», **قرفور** «длинный корабль»).

Отдельно отметим особые редкие модели со схожей семантикой – среди них разные модели с геминацией второго радикала: **خَنَاب** «толстоносый», **دَنَب** «карликовый» (также без долготы: **دَنَب** «короткий, маленький», **خَنَب** «длинный», «глупый») **خَنَب** (и **خَنَاب**) «1. Длинный, большой, высокий. 2. Глупый, слабоумный. 3. Слабохарактерный и с переменчивым поведением, не имеющий четких правил в манере поведения», **خَنَاب** – те же значения, а также «имеющий толстый нос», **خَنَابَة**, **خَنَابَة**, **خَنَابَة**.

Существует также особая модель с начальным **ي** (варианты **يَفْعُول** и **يَفْعِيل**), близкая рассматриваемой нами модели **أفْعَل**: **يحمون** «черный, темный» (ср. **حُمَم**

«уголь», أَحْمُ «белый; черный», إحمومي «быть черным», يحْمُورُ «красный» (ср. أَحْمُرُ «красный»), В.Фишер приводит для обеих форм также значение «бурый», يخْضور, يخْضير «зеленый» (ср. أخْضِر «зеленый»), يرْخوم (= أرْخَم) «раскрашенный под черно-белый мрамор», يرْمول (= أرْمَل) «песчаный», يِفْورُ (= أَعْفَر) «песочного цвета», يَنْكوبُ (= أَنْكَب) «отклоняющийся от направления»¹³⁵.

В.Фишер рассматривает также редкую древнюю адъективную модель со значением цвета **فعال** (изначальное значение этой модели – аугментатив и диминутив): **بغات** (= أبْغَت) «серый», **دهام** (= أدْهَم) «затемненный», **حوار** (= أحور) «белый», **سخام** (= أسْخَم) «темного цвета», **سخام** (= أسْخَم) «черный», **صباح** (а также **صباحي**) (= أصْبَح) «светло-красный», **صحار** (= أصْحَر) «желто-бурый», **صحام** (= أصْحَم) «темно-бурый», **صفار** (= أصْفَر) «желтый», **صحاب** (= أصْحَب) «белокурый, светло-русый», **قهاب** (= أْقْهَب) «мрачный, темный», **ملاح** (= أمْلَح) «сверкающий белым», а также **حمام** (= أْحْمُ) «закопченный, частично окрашенный черным». Указываются также примеры, не имеющие параллелей, образованных по модели **أفعل**: **لحاق** «в белых пятнах», **فقاغ** (ср. также **فقاغي**, **فقاغ**) «красный». По этой модели также образуются названия животных и растений, напр.: **غراب** «ворон», **تمام** «разновидность злака, похожая на пшеницу, используемая для затыкания дыр, законопачивания стен».

Отметим также две модели с упоминавшимся выше суффиксом **ي**, образованные от других моделей со значением цвета: рассматриваемой нами модели **أفعل** (в случае с этой моделью встречаются и значения физического признака с суффиксом **ي**) и упомянутой выше модели **فَعَال**. Как пишет В.Фишер, оттенок значения, выражаемый суффиксом **ي** и означающий принадлежность, был во многих случаях несуществен, поэтому прилагательное с суффиксом **ي** чаще всего имело то же значение, что и то прилагательное без суффикса, от которого оно было образовано. Ср. уже упоминавшуюся выше пару **صباحي/صباح** «светло-красный» или **سخامي/سخام** «темного цвета»; **أشعري/أشعر** «волосатый», **أصحابي/أصحاب** и **صحابي/صحاب**

¹³⁵ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabische Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 191.

«белокурый, светло-русый». В.Фишер отмечает также, что прилагательные модели **أفعليّ** относятся, как правило, к животным. Существует также модель, образованная с помощью того же суффикса от основы **فَعَلٌ** (формы множественного числа прилагательных модели **أفعلٌ**) и близкая по значению двум названным выше. Примеров на модель, имеющую вид **فُعَلِيّ**, немного, и в них сохранился оттенок значения суффикса **يّ**, поэтому имена, образованные по этой модели означают что-то вроде «принадлежащий к обладающим такой особенностью». В сущности они представляют собой имена единичности для форм множественного числа модели **فَعَلٌ**, так что указанный оттенок значения все же мало уловим. Ср. **كُدْرِيّ** от **كُدْرٌ** «мутный, тусклый» и **كُدَارِيّ** от **كُدَارٌ** с тем же значением. Имена модели **فُعَلِيّ** также относятся к животным. Нередко прилагательные указанных трех моделей заменяют имена животных, к которым они относятся, выступая таким образом в субстантивных позициях.

Обратим также внимание на группу прилагательных с показателями -Vm-, иногда воспринимаемыми синхронно как часть четырехсогласного корня: **حُكْمٌ/حَكِمٌ** «весьма черный» (ср. **حُكْمَةٌ** «черный цвет», других имен от четырехсогласного корня **حك** не засвидетельствовано, при этом корень **حك** также имеет значение «черный»), **شَدَقِمٌ** «большеротый; крепкий (о верблюде)» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского это имя имеет форму **شَدَقِم** и относится к корню **شَدَق**, ср. **أَشَدَق** с тем же значением; **صَلَدَمٌ** «имеющий твердые копыта, сильный (о коне)»; **صَلَدَامٌ** «твердый; крепкий (эпитет льва)» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эти имена – единственные, относящиеся к корню **صَلَدَم**, при этом у корня **صَلَد** также есть значение «крепкий», ср. **أَصْلَد**, для которых Б.М.Гранде не приводит примеров на иную семантику, кроме **صَلْخَام** «недоступная гора». В.Фишер приводит также такие примеры: **شَجْعَمٌ/شَجَع** (= **أَشْجَع**) «мужественный», **زَرْقَمٌ** (= **أَزْرَقُ**) «с отливом», **خَضْرَم** (= **أَخْضَر**) «зелено-белый».

Ниже мы приводим таблицу, в которой сгруппированы примеры на некоторые из перечисленных выше моделей. Значения имен разделены по

группам: значения цвета, значения физического признака, другие значения; в отдельной группе приводятся однокоренные слова для примеров на эти модели.

Модель	значение цвета	значение физического признака	другие значения	однокоренные слова
1. حورورة	«имеющая белый цвет лица» (о женщине)	«очень длинный и худой, с длинными		حورور (м.р.) «что-то, нечто»; حواريّ «белый»
2. شجوجى/شجوجاء (ж.р. شجوجوات)				
3. طرطور		«долговязый и глупый» «огромный (о верблюде)		
4. صرصور				
5. شونب		«рослый»		
6. مبطان		«толстопузый»		بطن «живот»
7. يحمور	«черный, темный»			حمم «уголь», أحم «белый; черный», إحمومى «быть черным» أحمر «красный»
8. يحمور	«красный			
9. طملا	«черный»	«плохо одетый» (?) «скользкий» «большой и толстый» «имеющий трясущаяся от старости голову» «большой, сильный и быстроходный (о верблюде)» «быстроходный»		رَعُوشٌ то же значение; رَعَشٌ «дрожать»
10. زحلون, زحلين				
11. حنذيد				
12. غريب				
13. رعشوش				
14. خروج				شملل «быстро идти»; شمال «левая рука; быстро бегущая (о верблюдице)»
15. شمال, شملي				

		«идущая легко и быстро (о верблюдице)»	«левая сторона»	
16. خَنَابٌ, خَنَبٌ 17. دَنَابٌ, دَنَبَةٌ, دَنَبٌ, دَنَابَةٌ 18. دُخَلٌ		«толстоносый» «длинный; глупый» «карликовый» «короткий, маленький» «толстый и плотный»		خَنَابَةٌ, خَنَابَةٌ, خُنَابَةٌ «большой и толстый кончик носа; верх носа»
19. دَفِقٌ 20. هَجَفٌ 21. هَقَمٌ 22. رَفَقٌ 23. ذَفِرٌ 24. ضِفْنٌ/ضِفْنٌ 25. خُدْرٌ		«идущий быстрым шагом (о коне)» «толстый и медлительный» «обжора» «чванный» (букв. «тянущий за собой шлейф одежды»); «имеющий длинный хвост; мясистый; имеющий обвисшую, в складках шкуру, которая не держится на теле (о верблюде)» «крепкий (о верблюде)»; «имеющий	«левая сторона»	رَفَقٌ «имеющий длинное волочащееся платье» ذَفِرٌ « сильный запах»

		сильный запах» «маленького роста» «коренастый»		
26. حُلْكَمٌ/حُلْكَمٌ	«весьма черный»	«большеротый; крепкий (о верблюде)»		حُلْكَمَةٌ «черный цвет» حُلْكٌ «черный» أَشْدَقُ то же Значение
27. شُدُقَمٌ, شُدُقَمٌ				
28. شُلْدَمٌ شُلْدَامٌ		« имеющий твердые копыта, сильный (о коне)» «твердый; крепкий (эпитет льва)»		شُلْدٌ «крепкий»

Еще раз подчеркнем, что перечисленные выше различные модели для обозначения цвета и/или физического признака являются периферийными по сравнению с моделью **فَعْلٌ/فَعْلَاءٌ/أَفْعَلٌ**. По этой же модели образуются прилагательные, обозначающие все базовые цвета и многие цветовые оттенки (например, **أَشْهَبٌ** «светло-серый», **أَدْكَنٌ** «темного цвета», **أَوْرَقٌ** «пепельно-серый» и многие другие), а также очень большое количество прилагательных, обозначающих внешний или физический признак. Мы учитываем приведенные выше более редкие модели, но с большим вниманием обращаемся к особой и, по-видимому, более частотной модели **أَفْعَلٌ**. Мы придаем этой модели больше значения также потому, что она, как мы уже неоднократно указывали выше, имеет свои специальные варианты для форм мужского и женского рода и множественного числа.

Рассмотрим подробнее еще одну именную модель, относимую к адъективным. Речь идет об именах, имеющих в мужском роде форму **فَعْلَانٌ** и в женском роде форму **فَعْلَى**, напр., **سَكْرَانٌ** - **سَكْرَى** «пьяный». Эта группа имен так же, как и группа рассматриваемых нами прилагательных цвета и физического признака, имеет отличные от других формы мужского и женского рода, а также общую форму множественного числа для обоих родов, кроме того,

имена, принадлежащие к этой группе, также двухпадежны. Указанная модель имеет также трехпадежные варианты (по-видимому, более поздние), оканчивающиеся в мужском роде на **انْ**– и в женском роде имеющие стандартный показатель **ة**–, напр., **نَدْمَانَةٌ - نَدْمَانٌ** «сожалеющий». Приводимые Б.М.Гранде примеры новых прилагательных этой модели, проникающих в литературный язык из диалектов, также трехпадежны: **زَعْلَانٌ** «недовольный», **غَرَقَانٌ** «утонувший». Однако, если мы внимательнее посмотрим на формы имен модели **فَعْلَانٌ**, то мы увидим, что формы женского рода у них могут быть разные даже у одного и того же корня (как с показателем **ا**, так и с показателем **ة**–, есть и иные варианты), а также и формы множественного числа у этих имен имеют различные нерегулярные варианты. Напр., у упоминавшегося выше имени **سَكَرَانٌ** «пьяный» встречаются формы женского рода **سَكَرَى** и **سَكَرَانَةٌ** и формы множественного числа **سَكَرَى**, **سَكَارَى** и **سَكَارَى**; у имени **شَبَعَانٌ** «rassasie;» встречаются формы женского рода **شَبَعَانَةٌ** и **شَبَعَى**; у имени **خِيَانٌ** «трусливый» встречаются формы женского рода **خِيَانَةٌ** и **خِيَاءٌ** (ср. форму женского рода от модели **أَفْعَلٌ** для прилагательных цвета и физического признака; у имени **جَوَعَانٌ** «голодный» есть только форма женского рода **جَوَعَى** и форма множественного числа **جِيَاعٌ**; у имени **خَزِيَانٌ** «стыдливый» есть только форма женского рода **خَزِيَى** и форма множественного числа **خَزَايَى**; у имени **غَضْبَانٌ** «гневный» встречаются формы женского рода **غَضْبَى** и **غَضْبَانَةٌ** и формы множественного числа **غَضْبَى**, **غَضَابٌ**, **غَضَابَى** и **غُضَابَى**; у имени **يَقْظَانٌ** «бодрствующий» есть только форма женского рода **يَقْظَى**, но две формы множественного числа: **يَقْظَى** и **يَقْظَايَى**; у имени **ظَمْعَانٌ** «жаждущий» встречаются формы женского рода **ظَمْعَانَةٌ** и **ظَمْعَاءٌ**.

Таким образом, мы можем видеть, что эта группа имен не сохранила строгой системы распределения показателей мужского и женского рода и множественного числа в отличие от прилагательных цвета и физического признака. У последних также встречаются примеры на нерегулярное образование форм, но такие случаи достаточно редки. Существенно также, что прилагательные цвета и физического признака практически не образуют

форм женского рода по модели со стандартным показателем – **ة** , что свойственно более поздним образованиям. Для прилагательных модели **فَعْلَان** достаточно часты их трехпадежные варианты с подобными значениями, в случае с моделью **أَفْعَلُنْ** они, в основном, имеют иную семантику. Прилагательные модели **فَعْلَان** также сложно объединить семантически, они обозначают достаточно различные признаки. Чаще всего они относятся к людям, однако, например, упоминавшееся выше прилагательное **ظمءان** имеет также значение «brûlant et causant de la soif (se dit d'un vent bru[lant ou d'une chaleur brûlante)», т.е. «обжигающий, палящий, вызывающий жажду (о ветре, жаре)». Поэтому нам представляется, что группа имен модели **فَعْلَانْ** менее обособленна, чем группа имен модели **أَفْعَلُنْ**, и у нас нет достаточных оснований синхронно выделять ее как еще одну группу истинных прилагательных арабского языка. Тем не менее, мы обращаем внимание на то, что, возможно, в формах этой группы видны следы прежнего словообразовательного подкласса имен со значением признака.

2.6 Особые субстантивные модели со схожей семантикой

У.З.Кариев указывает на существование двух моделей цвета (**فُعْلَةٌ** и **أَفْعَلٌ**) (но первая из них - в данном случае модель для образования абстрактного существительного, напр., **صفرة** «желтизна», но среди трех моделей физического состояния (**فَعِيلٌ** и **فُعَالٌ**-**فَعِلٌ**) он не указывает на рассматриваемую нами модель (при этом первые две модели также являются моделями для образования абстрактных существительных - **صغار** «небольшой размер», **كَبَادٌ** «болезнь печени». Речь при этом идет о несуффиксальном способе образования, формы на **يُّ** У.З.Кариев исследует отдельно.

Модель **فُعْلَةٌ** коррелирует с прилагательными модели **أَفْعَلٌ** не только в значении цвета, отмечены имена модели **فُعْلَةٌ** со значением физического признака: **دُسْمَةٌ** «нечистота, грязь» (ср. **أَدْسَمٌ** «2. Запаханный маслом, жиром (рука, одежда и пр.), грязный, засаленный», **بُكْمَةٌ** «неумение говорить (Nicht-

Sprechen-Können)» (ср. أبكم «немой»), عجمة «немота, глухота» (ср. أعجم «4. Немой. 5. Глухой, не производящий звука (также о волне, разбивающейся без шума)», لغة «неумение произнести звук г» (ср. ألتغ «имеющий толстый язык и недостаток, называемый لغة»; لتغ/لغة (о второй модели см. ниже) «недостаток произношения, состоящий в невозможности произнесения некоторых звуков, как надо, или в произнесении толстым языком, в результате чего можно услышать [غ], или [ل], или [ي] вместо [ر], или [س] вместо [ت]» и пр. Эту модель В.Фишер сближает с формой множественного числа рассматриваемых прилагательных فُعل, предполагая, что форма множественного числа произошла из модели абстрактного существительного. Характерно, что модель абстрактного существительного коррелирует также с прилагательными цвета, образованными по моделям, отличным от أَفْعَل, и образующими форму множественного числа по модели فُعَلٌ от كُمَيْتَةٌ «гнедой (лошадь)», وَرْدٌ от وَرْدَتٌ «соловый».

Помимо модели فُعَلَةٌ, для обозначения имени цвета для двух корней встречается также модель بَيَاضٌ: فُعَالٌ «белизна» и سَوَادٌ «чернота».

В.Фишер в монографии, посвященной рассматриваемой группе прилагательных, изначально отделяет прилагательные, обозначающие цвет, от остальных. Одним из критериев такого разделения является тот факт, что, как указывает В.Фишер, на раннем этапе существования классического литературного арабского языка (язык раннеарабской поэзии) для прилагательных, обозначающих физический признак, существует определенное количество других моделей (так, например, арабские лексикографы в качестве модели для физического признака приводят наряду с моделью أَفْعَلٌ модель فُعَلٌ), в то время как для прилагательных, обозначающих цвет, примеры на другие модели редки. Далее ученый приводит примеры для обеих подгрупп: для прилагательных физического признака: أَبْلَجٌ и بَلِيجٌ «веселый, открытый (о лице)», أَجْدَبٌ и جَدْبٌ, جَدِيبٌ «бесплодный (о земле)», أَجْرَبٌ и جَرَبٌ, جَرَبَانٌ «шелудивый, чесоточный», أَجْرَدٌ и مُنْجَرَدٌ (действительное причастие VII породы) «короткошерстый (о лошади)», أَحْدَبٌ и حَدَبٌ

«горбатый», أَحْمَقُ и حَمِيقٌ «глупый», أَدْفَرُ и ذَفِيرٌ «распространяющий сильный запах», أَشْعَثُ и شَعِثٌ «с растрепанными волосами», أَصْمَعُ и مُصْمَعٌ (страдательное причастие II породы) «острый (об ухе)», أَعْيُنٌ и مُعِينٌ «большеглазый», كَدِرٌ и أَكْدَرُ «тусклый», أَهْطَلٌ и أَهْطِيلٌ, هَاطِلٌ, هَاطِلٌ, هَاطِلٌ «продолжающийся и падающий тяжелыми каплями (о ливне)»; для прилагательных цвета: أَحْمٌ «частично покрашенный черным» и يَحْمُومٌ «черный», أَخْصَفٌ «серый» и خَصِيفٌ «серый (с черными и белыми пятнами)» (первая форма из второй пары встречается крайне редко), أَصْحَرُ и صَحَارٌ «желто-бурый», أَصْحَمٌ и صَحَامٌ «темно-бурый» (о моделях يَفُوءٌ и فُعَالٌ и их параллелей, образованных по модели. В.Фишер утверждает, что для обозначения цвета модель أَفْعَلٌ достаточно рано вытеснила все остальные. Упомянутая выше модель فَعْلٌ в значении цвета имеет отчетливо субстантивное значение – например, خَضِيرٌ «пускающая ростки зелень, растительность» (ср. أَخْضَرُ «зеленый»), شَقْرٌ «красные анемоны» (ср. أَشْقَرٌ «рыжий (как лисица) (fuchsröt)»)¹³⁶.

Характерно замечание В.Фишера о том, что рассматриваемая группа прилагательных на раннем этапе существования арабского языка (язык раннеарабской поэзии) характеризовалась не «содержанием значения» (Bedeutungsinhalt), а «ценностью значения» (Bedeutungswert), то есть, с одной стороны, очевидно, что словообразовательные показатели этой модели влияют на значение имен, входящих в данную группу, однако значение этих конкретных показателей само по себе синхронно не вычленимо, и для этой группы нельзя выделить конкретный значимый признак, свидетельством чему идентичность форм мужского рода единственного числа для настоящей модели и для «элатива/суперлатива». При этом тот факт, что для значения цвета модель أَفْعَلٌ является основной, дает ученому возможность утверждать, что в этом случае рассматриваемая модель достаточно рано приобрела «содержание значения». В дальнейшем остальные прилагательные указанной модели также стали подчиняться тенденции к приобретению «содержания значения» - постепенно стало появляться все больше таких прилагательных,

¹³⁶ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 7-8.

образованных от названий частей тела. В результате на современном этапе существования арабского языка (речь идет в первую очередь о современных арабских диалектах) модель **أَفْعَلٌ** чаще всего используется для обозначения цвета или физического недостатка (как правило, отсутствия той или иной части тела)¹³⁷, что, по-видимому, дало основание большинству ученых называть эти прилагательные прилагательными цвета и физического недостатка. Напротив, для обозначения «обилия» того или иного признака чаще используются другие модели, напр., **أَذُونٌ** «с большими ушами, лопухий» от **أَنْزٌ** «ухо» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма не засвидетельствована; возможно, она не встречалась в классической поэзии и появилась в существенно более поздний период); **أَنَافِيٌّ** «имеющий большой нос» от **أَنْفٌ** «нос» с распространенным особенно в поздний период суффиксом **-يٌّ**.

Более того, некоторые прилагательные физического недостатка, которые на раннем этапе арабского языка имели иную модель, в более поздний период приобрели в ряде случаев модель **أَفْعَلٌ** или подобную ей: мальтийский **إِغْدَدٌ** «кудрявый» (ср. в литературном арабском **جَعَدٌ** «быть курчавым, виться от природы (о волосах)», **مُجَعَّدٌ** (страдательное причастие второй (интенсивной) породы) «1. Вьющийся. 2. Жесткий. 3. Густой»), алжирский **أَزْلَطٌ** «голый» (ср. **زَلَطٌ** «голый и гладкий»), сирийский **أَفْشَلٌ** «кривоногий, хромой», а также мальтийский **إِكْرَهٌ** «безобразный, искаженный» (ср. **كْرِيَهٌ**, **كْرِهَةٌ** «неприятный, отвратительный; безобразный»). Кроме того, некоторые другие арабские прилагательные модели **أَفْعَلٌ** изменили значения, приблизившись к прилагательным физического недостатка, например: **أَلْسَاءٌ** «stotternd», т.е. «заика» (ср. в литературном арабском со значением «zungenfertig», т.е. «умеющий хорошо говорить»), **أَدْوَرٌ** «глухой», **أَشْبِطٌ** (множественное число **شَبِطٌ/شَبِطَانٌ**) «левша», **أَشُولٌ** (множественное число **شُولٌ**) «левша», **أَعْدَلٌ** (множественное число **عَدَلَانٌ**, **عَدَلٌ**) «левша», **أَشْفَحٌ** «длинный и тощий (о животных)» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма означает

¹³⁷ Там же. стр. 6, 8, 11-14.

«красный, смешанный с белым, или белый, смешанный с оттенком красного»), **أطفش** «легкий в движениях, неуклюжий»), **أعرد** «отклоняющийся от прямой линии, от прямого пути», **أعدب** «имеющий искривление руки из-за сломанных или парализованных пальцев» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма означает «1. Имеющий сломанный рог (баран). 2. Слабый, бессильный, не имеющий брата или потерявший единственного брата. 3. Имеющий рассеченное ухо (баран и пр.). 4. Подвергшийся усечению **عضب** (стопа стиха)»), **أعكب** (множественное число **عكب**) «хромой, рахитичный или же парализованный в нижней половине тела» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма означает «1. Имеющий очень толстые губы и подбородок или очень толстые зубы. 2. Толстый, дородный и плохо сложенный»), **أغوز** «у кого один глаз меньше другого» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма имеет значение «делающий много добра своим близким»), **أقرّف** «худой, изможденный» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма означает «очень красный»), **ألوع** «кривой»), **ألوق** «искривленный» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского эта форма означает «глупый»), **أنخم** «гнусавый».

В.Фишер видит объяснение такому сужению значения модели в том, что большой набор слов, использовавшихся в доисламской арабской поэзии был утрачен уже в первые века существования исламского государства вместе с бедуинским образом жизни, и из большого количества прилагательных модели **أفعل**, имевших разнообразные значения, остались в первую очередь те, которые имели самую «простую» семантику – базовые цветообозначения и прилагательные физического недостатка. Впрочем, В.Фишер не приводит текстуальных обоснований для такого утверждения.

Кроме того, следует иметь в виду, что наличие в диалекте формы, не засвидетельствованной в литературном языке, не обязательно означает, что эта форма является поздней. Литературный арабский язык образовался на базе группы близких диалектов Аравийского полуострова, и арабские диалекты развивались параллельно с литературным языком, при этом

некоторые диалектные различия восходят к древнему, доисламскому периоду¹³⁸. Так, для приведенного выше йеменского материала у нас нет данных относительно того, является та или иная форма ранней или поздней. Поэтому нельзя исключить и такой возможности, что указанные выше диалектные формы существовали и в классический период, что может являться свидетельством продуктивности рассматриваемой нами модели **أَفْعَلٌ**.

2.7 Особые глагольные формы для корней со значением цвета и физического признака

Важнейшим свидетельством выделенности цвета и физического признака среди других понятий в арабском языке является соотнесенность рассматриваемых прилагательных с особыми глагольными породами. Под породами в арабском и семитском языкознании понимаются базовая и так называемые расширенные и производные глагольные основы, образованные от одного консонантного корня при помощи внутренних и/или внешних средств (геминации, редупликации согласных, удлинения гласных, префиксов, инфиксов) и представляющие различные оттенки значения (каузативность, рефлексивность, реципрокальность и пр.; впрочем, нередко семантика развивается существенно дальше за пределы базового значения).

В арабском языке существуют три глагольные породы, произведенные от корней, обозначающих цвет или физический признак, с геминированным или редуплицированным третьим радикалом: девятая (**أَحْمَرٌ** 'быть красным', **أَحْدَبٌ** 'быть горбатым'), одиннадцатая (**أَسْوَدٌ** 'быть черным, казаться черным') и, предположительно, четырнадцатая (**أَجْنَشَشٌ** 'быть толстым', **أَسْحَنَكَكَ** 'быть темным'¹³⁹) (протетическое **ي** вставляется для устранения двух согласных в начале формы; У.Райт показывает, что девятая порода приобрела нынешний вид через такие преобразования: **أَفْعَلٌ < إِفْعَلٌ < فَعْلَلٌ < فَعْلَلٌ**). Одиннадцатая

¹³⁸ Белова А.Г. Очерки по истории арабского языка. Москва, 1999, стр. 60.

¹³⁹ Brockelmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Hildesheim, 1966, 2-е изд., стр. 517-519.

порода, по всей видимости, изначально имела вид **إفْعَالًا**, а также имеет варианты **إفْعَهْلًا** **إِجْرَهْدًا** «лысеть» от **أَجْرَدٌ** «1. Голый, гладкий, лишенный растительности (поле). 2. Не имеющий шерсти, имеющий гладкую кожу. 3. Имеющий тонкую шерсть (лошадь). 4. Красивая лошадь, племенная лошадь. 5. Весь, полный (день, месяц). 6. Спина. 7. Мужской половой член, пенис. 8. Чистый, без смеси» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского вариант с инфиксацией **-ه-** не приводится), **إِسْمَهْرٌ** «становиться твердым, тугим» от **أَسْمَرٌ** (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского это прилагательное переводится как «бурый, темно-рыжий, с оттенком, как, напр., у фиников или темного тростника», форма же **إِسْمَهْرٌ**, синхронно производимая от четырехконсонантного корня **سْمِهْر**, имеет также значения «2. Быть смелым, закаленным в боях. 3. Быть ровным, не шероховатым. 4. Подниматься, возвышаться. 5. Быть густым, плотным (о тьме и пр.)», **إِدْهَمٌ** «становиться темным» от **أَدْهَمٌ** «1. Черный. 2. Темный, бурый, смуглый» (в словаре А. де Биберштейна-Казимирского форма **إِدْهَمٌ**, синхронно воспроизводимая от четырехконсонантного корня **دِهَم**, имеет значение «быть густым (о тьме)», ср. также **دَلْهَمٌ** «1. Темный, мрачный, пасмурный» и причастие **mudlahimmin** «очень черный»), **إِفْعَلًا** и **إِفْعَلًا** **إِبْيَضَّ** «становиться белым», **إِدْهَمٌ** «становиться темным») ¹⁴⁰.

Насчет соотношенности четырнадцатой породы с рассматриваемыми нами прилагательными есть различные мнения. У. Райт толкует первый пример как «быть большим», что, как мы уже обсуждали, бесспорно является физическим признаком, но не может с безусловностью относиться к рассматриваемой нами группе; но другие примеры, приводимые им, вполне соответствуют такой семантике - **إِحْنَكُكَ** «быть черным как уголь», **إِعْنَكُكَ** «быть длинным и толстым (о волосах)», **أَقْعَسَسَ** «иметь горб спереди»; но **إِعْفَنَجَجَ** «быстро идти» ¹⁴¹. Однако в словаре А. де Биберштейна-Казимирского, форма **إِجْحَشَشَن** не фигурирует вовсе, форма **أَسْحَنَكُكَ** представлена как «третья» порода

¹⁴⁰ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der alt-arabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 228, 230.

¹⁴¹ Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974, P. 46-47.

четырёхконсонантного корня **سحك** (аналог седьмой породы у трёхконсонантных глаголов - с инфиксацией n). Кроме того, Б.М.Гранде приводит для четырнадцатой породы пример корня совсем иной семантики - **إفغجج** 'сильно бить' (от **عَفَجَ** 'ударить палкой').

Мы подробнее рассмотрим девятую и одиннадцатую породы. Если первый радикал – слабый (**و** или **ي**), в глагольной форме он выступает в виде **و** (**إيرق**) «стать лиловым (о винограде)» от корня **ورق**. Б.М.Гранде приводит примеры для девятой и одиннадцатой пород для корней с третьим слабым радикалом (в данном случае **ي**): соответственно **إعماي** (вместо **إعمي**) и **إعمي** «ослепнуть»¹⁴² К.Брокельманн в качестве примера подобной породы приводит также форму **إحووى** «быть темно-бурым»; в словаре А. де Биберштейна-Казимирского от глагола **حوي** (восстанавливаемого как **حوو**) «быть темно-зеленого или темно-красного цвета, переходящего в черный» приводятся (без номеров пород) производные формы **إحووى** и **إحووى** с тем же значением, а также **إخوى** «быть зеленым, зеленеющим». У.Райт приводит и такие примеры: **إرعوى** «воздерживаться, удерживаться», **إجدوى** «стоять на цыпочках».

Гораздо реже можно встретить эти породы для корней, от которых не образованы прилагательные рассматриваемой нами модели (**إخذر** «пылать от гнева», прилагательное **أحذر** не засвидетельствовано) или вовсе другой семантики (**إفرض** «рассеяться», **إقتوى** «брать кого-л. на службу, звать кого-либо в слуги»). У.Райт приводит и другие примеры – **إزوار** и **إزوار** «отворачиваться», **إربت** и **إربأت** «рассеиваться», **إرقد** «быстро бежать», **إشعان** «быть растрепанным». Кроме того, подобная девятой породе образуется для четырехконсонантных корней – **إفعلل**, но она уже не привязана ни к какой именной основе. В.Фишер пишет, что в классической арабской поэзии таких глагольных форм девятой породы, которые соотносятся с прилагательными цвета и физического признака, можно встретить не так много, он приводит

¹⁴² Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998, 2-е изд., стр. 133.

примеры на 17 корней (в основном на значение цвета) и сверх того несколько примеров из арабских словарей¹⁴³. В словаре А. де Биберштейна-Казимирского таких примеров значительно больше. М.Годфруа-Демомбин и Р.Блашер, а вслед за ними и У.Райт особо отмечают, что геминация третьего радикала служит для того, чтобы показать, что значение этих форм – «интенсивность» (intensiveness, арабский термин *مبالغة*)¹⁴⁴. Разграничить значения девятой и одиннадцатой пород довольно сложно. Традиционно считается, что девятая обозначает постоянное свойство, в то время как одиннадцатая – временное; есть также мнение, что одиннадцатая порода обозначает более высокую степень свойства, отраженного девятой породой; однако в результате анализа глагольных значений можно прийти к выводу, что эти породы не очень строго различаются по смыслу.

Указанные породы – не единственные для корней со значением цвета и физического признака. В арабском языке можно встретить первую, вторую, четвертую породы с подобным значением. Кроме того, от глагола *عَلِدَ* «быть твердым» образуются тринадцатая *إِعْلَوْدٌ* (с инфиксацией *و*) «быть тяжелым», пятнадцатая *إِعْلَنْدِي* (с инфиксацией *ن* и долгим *ي* на конце) «быть толстым и крепким». Ср. тж. двенадцатую породу *إِحْدَوْدَبٌ* «быть горбатым» (ср. *أَحْدَبٌ* «горбатый»), *إِحْضَوْرٌ* «становиться черно-бурым, черно-зеленым», *أَحْلَوْلُوكٌ* «быть черным как уголь» и пр. Однако употребление девятой и (реже) одиннадцатой пород для таких корней гораздо более регулярно, и это является еще одним подтверждением некоторой обособленности слов, образованных от этих корней.

Мы не собираемся утверждать, что наличие специальных глагольных форм может быть критерием для выделения прилагательных. Однако связь между соответствующими глаголами и именами очевидна. М.Годфруа-Демомбин и Р.Блашер прямо утверждают, что эти глагольные породы

¹⁴³ Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der alt-arabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965, P. 228-229.

¹⁴⁴ Godefroy-Demombynes M. et Blachère R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952, P. 72.

ГЛАВА III. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА И ФИЗИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Образование степеней сравнения у рассматриваемых прилагательных

Одной из целей настоящей работы является сопоставление данных прилагательных со всеми остальными прилагательными арабского языка. Группа рассматриваемых нами прилагательных цвета и физического признака, по-видимому, является единственной группой слов, которые можно отнести к прилагательным с морфологической точки зрения (Х.Вер также пишет, что эта группа « функционирует полностью как прилагательное (vo/lilig adjektivisch fungiert)»). У нас есть основания полагать, что факт сохранения у этих имен особых форм образования мужского и женского рода и общего множественного числа свидетельствует о том, что эти имена синхронно воспринимаются как отдельная группа истинных прилагательных.

Между тем Е.Курилович считает их по происхождению субстантивами с абстрактным значением. Ученый утверждает, что имена модели أَفْعَلٌ (как «элатив/суперлатив», так и рассматриваемые нами) образованы от такой же глагольной модели - أَفْعَلٌ, IV (каузативная) порода – имеющей также значение «интенсивности»¹⁴⁶, т.е. они являются отглагольными именами, употребляемыми также в адъективных позициях. Однако Е.Курилович приводит в качестве подтверждения своего тезиса только две арабские глагольные формы - اسْمَنَ «быть жирным» (ср. سَمِنَ «быть жирным и полным», имя أَسْمَنُ имеет сравнительное значение «более жирный») и أَشْكَلُ «быть сомнительным» (см. также значения этой формы в словаре А. де Биберштейна-Казимирского: «3. Быть зрелым, почти начинать чернеть (о винограде, финиках и пр.). 4. Иметь хорошие новые финики (о пальме)») (ср.

¹⁴⁶ Kurylowicz J. L'apophonie en semitique. Wrocław – Warszawa - Krakow, 1961, P. 159, 170-171.

شَكِلَ «1. Становиться сомнительным, двусмысленным, неясным (о деле)», при этом прилагательное أَشْكَلُ имеет следующие значения: «1. Смешанный из двух оттенков, напр., красный, смешанный с белым, белый с оттенком красного. 2. Бурый, красный, смешанный с черным (в шерсти верблюдов). 3. Имеющий бока белой масти (козел). 4. Более похожий на. 5. Более сомнительный, более двусмысленный, более сложный, более неясный и трудный для разрешения. 6. Более красивый, более изящный. 7. Горный лотос»). Здесь ученый проводит параллель с образованием абстрактного имени по модели فَعَلٌ от глагольной модели первой породы со срединным ي (в глаголах первой породы, в отличие от всех прочих, срединный гласный в прошедшем времени может быть различным; как правило, глаголы первой породы со срединным ي обозначают «состояние»), выстраивая следующую пропорцию:

أَفْعَلٌ : أَفْعَلٌ = فَعَلٌ : فَعَلٌ

Е.Курилович, утверждая, что рассматриваемые нами именные формы являются субстантивами с абстрактным значением, приводит еще одну параллель – еврейские прилагательные цвета يَارَاق «зеленый» и لَابَان «белый» также являются усилительными от субстантивов, однако здесь ученый также не приводит примеров ни на корни, ни на субстантивные значения.

Формы женского рода и множественного числа для этих имен Е.Курилович также производит от соответствующих абстрактных существительных: женский род для «элатива/суперлатива» - от таких существительных, как نُغْمَى «блаженное состояние, удовольствие», которые являются результатом удлинения модели فُعْلٌ; женский род для прилагательных цвета и физического признака – от таких существительных как بَأْسَاءُ «несчастье, страдание» или بَغْدَاءُ «ненависть», произведенных от глаголов, и пр., где показано, что в этом случае модель فَعْلَاءُ контаминирует с моделью فُعْلَى (а также с моделью فَعْلَى): بُعْسَاءُ = بُعْسَى «несчастье, беда», رُغْبَى = رُغْبَى «желание» и пр. Однако сам В.Фишер напротив возводит абстрактные значения указанных моделей женского рода к адъективным и

причастным, поскольку в арабском языке существует большое количество абстрактных существительных женского рода, образованных от основ с базовым адъективным и причастным значением, ср.: رَغْبِيَّة «желание, пожелание» = رَغْبَاءُ, فَاحِشَةٌ «гнусность, низость» = فَحِشَى, مَنْكَرَةٌ «неизвестное, непригодное» = نَكْرَاءٌ «неизвестное; неприятное, непригодное» и пр..

Мы снова сталкиваемся со сложнейшей проблемой выделения прилагательных в арабском языке и отличия их от существительных. Мнение Е.Куриловича – еще одно доказательство того, что эта проблема остается одной из весьма важных для изучения арабского языка и что она еще не решена. Однако точка зрения ученого не объясняет наличия именно таких особых способов для образования рода и числа у рассматриваемых нами имен. В арабском языке существуют различные модели для абстрактных существительных, среди них есть и гораздо более частотные, в особенности для женского рода (со стандартным показателем – َةَ-). Не становится ясно, почему среди большого числа абстрактных существительных со значением, близким к «интенсивности» или физическому признаку (отметим, что в приведенных Е.Куриловичем примерах семантика достаточно размытая), в качестве словоизменительных форм выбраны именно те, а не другие. Так, Е.Курилович утверждает, что для суперлатива форма فَعْلَى стала регулярной формой женского рода для модели أَفْعَلٌ не из-за развития семантики, как полагал, например, Я.Барт (حُسْنَى «красота (beaute;)» > «красавица (la belle)» = «самая красивая (la plus belle)»), а из-за того, что модель أَفْعَلٌ вытеснила модель فَعْلَى, ограничив употребление последней только в позиции приложения (тот же механизм, по мнению Е.Куриловича, привел к тому, что модель فَعْلَاءٌ стала формой женского рода для أَفْعَلٌ в значении цвета и физического признака) – так же, как в геэзе модель فَعْيَلٌ вытеснила более древнюю модель فَعَالٌ как в первичном абстрактном субстантивном значении, так и во вторичной функции приложения, вследствие чего последняя стала формой женского рода для первой. Но здесь ученый опять же не приводит примеров для такого развития ни на арабский, ни на эфиопский материал.

Очевидно, что мы не имеем права с порога отвергать мнение Е.Куриловича. Однако факт выбора определенных форм для образования рода и числа должен служить для нас аргументом в пользу совсем иного утверждения – о том, что перед нами все же отдельная группа имен арабского языка, по-видимому, более близкая к прилагательным, чем к существительным. Напротив, взгляд, высказанный в монографии М.Годфруа-Демомбин и Р. Блашера¹⁴⁷, о том, что большинство существительных женского рода, образованных по модели **فَعْلَاءُ**, происходит от соответствующих прилагательных, представляется нам более убедительным. Вновь отметим что Е.Курилович не приводит примеров абстрактного субстантивного значения для модели **أَفْعَالٌ**. Пропорция, приводимая ученым, представляется нам произвольной; кроме того, следует отметить, что абстрактное значение у соответствующей формы возникает всегда позже конкретного. Кроме того, мы хотим также заметить, что в настоящей работе нас в первую очередь интересует не столько этимология тех или иных форм, сколько их синхронное значение. У нас нет четкой уверенности в том, что рассматриваемые нами формы прилагательных цвета и физического признака происходят от абстрактных существительных, или, наоборот, абстрактные существительные с подобным значением происходят от соответствующих форм прилагательных. Для нас важнее ситуация, в которой эти прилагательные выделяются среди других имен арабского языка, что дает нам основание считать их истинными прилагательными.

По причине совпадения форм мужского рода элатива/суперлатива и прилагательного цвета и физического признака степени сравнения у этих прилагательных образуются иначе, чем у других - аналитически, при помощи существительных со значением цвета («краснее; самый красный» - **أَكْثَرُ/أَشَدُّ** (1) **حَمْرَةً** (2), букв. «сильнее/больше (1) краснотой (2); самый сильный / наибольший краснотой»; «белее; самый белый» - **أَكْثَرُ/أَشَدُّ** (1) **بَيْضاً** (2), букв. «сильнее/больше (1) белизмой (2); самый сильный / наибольший белизмой» -

¹⁴⁷ Godefroy-Demombynes M. et Blachire R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952, P.113.

ср. «красивее; самый красивый» - **جميل** от **أجمل** «большой»); но, как было показано, наличие или отсутствие особых форм для степеней сравнения не должно являться критерием для отнесения данного слова к прилагательным. В арабском языке случается использование аналитического способа для образования степеней сравнения и от других прилагательных, это происходит по той же схеме: «вспомогательное» прилагательное в форме элатива + существительное в форме аккузатива неопределенного состояния, напр., **تَقَدُّمًا أَكْثَرَ** «более/самый прогрессивный», букв. «больше/наибольший прогрессом» от **تَقَدَّمَ** «прогресс»; **تَنْظِيمًا أَكْمَلَ** «более/наиболее организованный», букв. «полнее/полнейший организацией» от **تَنْظِيمٌ** «организация, порядок». Как пишет Г.Ш.Шарбатов, «этот способ применяется в том случае, когда форма превосходной и сравнительной степени данного корня уже получила употребление в другом лексическом значении или в другой морфологической функции, либо когда не существует необходимого прилагательного в форме положительной степени»¹⁴⁸. В случае с прилагательными цвета и физического признака мы имеем дело с первым условием. Здесь мы снова видим, что «степени сравнения» образуются скорее от корня, чем от конкретного имени или модели. Отметим, что **أَفْعَالٌ** и **فُعَلَةٌ** - специальные модели для существительных со значением цвета.

Впрочем, встречаются также случаи омонимии положительной и сравнительной/превосходной форм для рассматриваемых прилагательных, напр., **أسود** «черный; более черный» (при втором значении это прилагательное так же, как и при первом, имеет форму множественного числа **سود**); **منه أحمر** «краснее его»; **أحمرهم** «самый красный из них» - эти примеры, в отличие от аналитических форм, характерны, в основном, для современного арабского языка.

Среди найденных нами текстов, в которых встречаются прилагательные цвета и физического признака, мы обнаруживаем довольно много примеров

¹⁴⁸ Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. Москва, 1961, стр. 41-42.

на их употребление в роли согласованного определения и именного сказуемого.

Примеры на употребление в функции согласованного определения: أنتره (1-2) «принес (1) (2) разлуку им (3) ворон (4) пятнистый (5)»; أنتره بن الشّداد (1) شككتُ: 1.49: أنتره بن الشّداد (1) «пронзил я (1) копьем (2-3) крепким (4) одежды его (5)»¹⁴⁹.

Примеры на именное сказуемое, именную часть сказуемого, предикативное определение: أنتره بن الشّداد (1) شاب (2) رأسي (3) فَا (4) شار- (5) فَا (6) «поседела (1) голова моя (2) и (3) стала (4) белой (5) цветом (6)»; أنتره بن الشّداد (1) تري (2) بطلاً... (3) وَ (4) هو- (5) أشعث (6) «ТЫ видишь (1) героя (2)... и (3) он (4) - с растрепанными волосами (5), запыленный (6)»; أنتره بن الشّداد (1) يعدون (2) ب (3) المستلّمين- (4) عوابساً (5) قوداً (6) «бегут они (1) за (2) надевшими кольчугу (3), суровые (4), послушные (5) (последние два прилагательных стоят в винительном падеже неопределенного состояния – это обычная для арабского языка позиция предикативного определения)¹⁵⁰.

Кроме того, мы находим свыше двадцати примеров на функцию спецификации. Примеры: أولاد (1) حول (2) قبر (3) أبيهم (4) بن- (5) مارية (6) (7) (8) الأئوف- (9) شَمُّ (10) أحسابهم (11) كريمة (12) الوجوه- (13) بيض (14) المفصل- (15) الكريم (16) «(сыновья (1) вокруг (2) могилы (3) отца их (4), могилы Ибн (6)-Мария (7) благородного (8), досточтимого (9), белые (10) лицами (11), благородны (12) достоинства их (13), высокие (14) носами (15) (т.е. гордые)»; أنتره بن الشّداد (1) ترى (2) كَلَّ (3) بيضاء (4) العوارض- (5) طفلة (6) «(ты видишь (1) каждую (2) белую (3) боковыми зубами (видимыми при улыбке) (4) нежную (5)»¹⁵¹.

Примеры на функцию характеристики действия нам не встретились, что неудивительно с точки зрения семантики рассматриваемых прилагательных – признаки, ими обозначаемые, могут относиться к людям, животным и

¹⁴⁹ Полосин В.В. Словарь поэтов племени 'абс VI-VIII вв. Москва, 1995.стр. 56, 278.

¹⁵⁰ Там же. стр. 66, 252, 406.

¹⁵¹ Полосин В.В. Словарь поэтов племени 'абс VI-VIII вв. Москва, 1995.стр. 66.

предметам, но весьма маловероятно, чтобы они могли характеризовать образ действия.

Кроме того, среди рассмотренных нами контекстов нам встретилось достаточно много примеров субстантивации прилагательных из этой группы (96 примеров из словаря Полосина, 26 примеров из Корана) (напр., الحطيه: 77.8: 77.8: (1) شنون (1) أبوه (2) أخذري (3) وَأُمُّهُ (4) من (5) الحقب- (6) «средней упитанности (1), отец его (2) - дикий осел (3), и мать его (4) из (5) тех, кто с белой полосой на брюхе (6)»¹⁵². Однако по большей части это результат приема, часто используемого в поэзии - употребления эпитета в роли определяемого слова: так, вместо слова «меч» говорится «блестящий» (أبيض), вместо «верблюдица» (или «бурая верблюдица») - «бурая» (أدماء). (Ср., например, русское прилагательное «сохатый», обычно выступающее как эпитет к существительному «лось», но и часто употребляемое вместо него.) список прилагательных, образованных по модели, рассматриваемой нами, взятый из, работы, посвященной этому поэтическому приему. Н.Н.Пурцеладзе¹⁵³ отмечает, что прилагательные цвета (причем не обязательно образованные по рассматриваемой нами модели) могут принимать в качестве такого « второго значения» очень большой набор предметов и понятий - так, например, прилагательное أخضر «зеленый, синий, черный, темно-серый, цвета ржавчины» может обозначать лист дерева, траву, небо, воду, ночь, лошадь и пр. Такой большой охват имен, которые можно заменить прилагательным цвета, объясняется специфической цветовой картиной в арабском языке. Н.Н.Пурцеладзе наглядно показывает, что данный прием характерен лишь для поэтического языка.

Мы также встречаем контексты, в которых прилагательное физического признака выступает в субстантивной позиции, ничего не замещая, напр.: أنتره: 3.1: 3.1: (1) جلدك (2) جلدك (3) مثل (4) جلد (5) العرب- (6) «чтобы была (1) кожа твоя

¹⁵² Полосин В.В. Словарь поэтов племени 'абс VI-VIII вв. Москва, 1995. стр. 122.

¹⁵³ Пурцеладзе Н. Н. Очерк по исторической поэтике (символ-формула в арабской поэзии). Тбилиси, 1990, стр. 57.

(2) как (3) кожа (4) шелудивого (5)»¹⁵⁴ – ср. в русском предложении «слепой шел по улице», где налицо субстантивация прилагательного «слепой». Как отмечалось, в некоторых синтаксических позициях вообще трудно отличить арабские прилагательные от существительных, так что здесь рассматриваемые нами имена ничем не отличаются. Но для нас в таком случае важнее их морфологические особенности и более или менее замкнутая семантика. Кроме того, такие имена можно также представить и в качестве «заместителей», напр., субстантивация прилагательного со значением «шелудивый» может являться результатом эллипсиса в словосочетании «шелудивый человек».

Как уже обсуждалось выше, по рассматриваемой модели образуются также и собственно существительные – **فولها** (2) **أنس** (1) **لا**: 2.9: **عروه الورد** (3) «я не (1) забываю (2) речи ее (3) к соседке ее (4), что (5) поистине (6) он живет (7) разумом (8)»¹⁵⁵; см. также пример на такое значение для этого имени в: **باحور يعيش ما** «он не живет разумной жизнью (*il ne vit pas sagement*)». Также и в словаре А. де Биберштейна-Казимирского для многих этих прилагательных приводятся отдельные субстантивные значения, совсем не всегда те, которые они замещают в поэтических текстах, и даже семантически не связанные с ними – это могут быть и имена мужского рода по модели **أفعل**, и имена женского рода по модели **فَعْلَاءُ** - напр., для корня **برق** приводится прилагательное **أبرق** со значением «пестрый, смешанный из белого и черного (о веревке из двух жгутов разных цветов или о других вещах)», существительное **أبرق** со значением «твердая земля из грязи, камней и песка (*sol dur compose; de boue, de pierres et de sable*)» и существительное **برقاء** «1. Глаз. 2. Твердая земля из грязи, камней и песка» (возможно, земля как-то связана с бело-черным цветом, но о глазе мы этого сказать не можем); для корня **خضر** приводится прилагательное **أخضر** со значениями «1. Зеленый. 2. Черный. 3. Темный» и

¹⁵⁴ Полосин В.В. Словарь поэтов племени 'абс VI-VIII вв. Москва, 1995. стр. 81.

¹⁵⁵ Там же. стр. 132.

существительное **أخضر** со значениями «4. Пальма. 5. Темная ночь. 6. Человек, про которого говорят, что он богат от дохода со своих земель (homme que l'on cite comme riche du revenu de ses terres). 7. Подлый человек» (если для первых двух субстантивных значений мы легко можем установить связь с адъективными, то для двух последних мы не видим надежной связи); для корня **سح** приводится прилагательное **أسح** с формой множественного числа **أساحم**, как у формы «элатива/суперлатива», вместо ожидаемой **سح** и со значением «черный», существительное **أسح** с той же формой множественного числа и со значениями «2. Ворон. 3. Рог. 4. Идол. 5. Бурдюк с вином. 6. Облако. 7. Кровь, в которую приносившие клятву окунали руки, чтобы придать их клятве больше торжественности (sang dans lequel ceux qui faisaient un serment plongeaient les mains pour donner plus de solennite; a' leur serment). 8. Сосок (на вымени)» и существительное **سحماء** со значением «зад» (для большинства субстантивных значений связь с адъективным по меньшей мере неочевидна).

Мы не можем игнорировать этот факт, и он также является подтверждением размытости границ между существительными и прилагательными в арабском языке. Особо отметим, что приведенный пример из словаря В.В.Полосина иллюстрирует наличие абстрактного субстантивного значения у такого имени. Но всё же случаи употребления этих форм в адъективном значении гораздо чаще (пример на абстрактное субстантивное значение, не являющийся результатом замещения, был найден в словаре В.В.Полосина только один – он был приведен выше), и факт наличия у таких прилагательных особых форм рода и числа свидетельствует как об их отличии от других прилагательных, так и об их отличии от существительных; случаи субстантивации (как результат поэтического замещения, так и субстантивации как таковой), равно как и собственно субстантивные значения следует все же считать окказиональными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим, что перед нами особая группа прилагательных, которые можно выделить морфологически и семантически и которые выступают в прототипических для прилагательных функциях в том числе и в одной из присущих исключительно прилагательным – функции спецификации. То есть данные прилагательные, с одной стороны, близки другим «прилагательным» арабского языка (область значения, синтаксические функции; невозможность или другой способ образования степеней сравнения прилагательных в арабском языке не играет), с другой стороны, отличаются от них как раз в сторону адъективации (особые формы для образования рода и числа). Отметим также, что среди прилагательных указанной группы, в отличие от большинства имен арабского языка, прилагательные, обозначающие признак, присущий исключительно женщине, имеют женский род, а не мужской, напр., **متكأء** «1. Имеющая слишком длинный клитор (необрезанная женщина). 2. Пострадавшая в результате сожительства с применением насилия вплоть до разрыва промежности (женщина) (abîmeé par la violence de la cohabitation, au point que le périnée est déchirée (femme))». В арабском языке есть небольшие редкие группы прилагательных, обозначающих физический признак и/или цвет (особо отметим древние модели для обозначения цвета **يَفْعِيلٌ/يَفْعُولٌ** и **فُعَالٌ**), но они достаточно периферийны и, что важнее, не принимают особых, отличных от общих, показателей рода и числа. Рассмотренная модель **فُعْلَانٌ** весьма близка к модели **أَفْعَلٌ**, поскольку также имеет особые формы мужского и женского рода и общую форму множественного числа для обоих родов, однако, как было показано выше, эта группа не сохранила столь строгой системы распределения показателей рода и числа, как группа прилагательных цвета и физического признака, а также имеет гораздо менее ясную общую семантику.

Можно было бы возразить, что примеры именных значений прилагательных модели **أفعل** (здесь уместно вновь вспомнить мнение Е.Куриловича о происхождении данных прилагательных от абстрактных существительных), а также случаи субстантивации, как кажется, не отличают их от других имен арабского языка, но для нас в данном случае более важным аргументом является особый способ образования форм, а также тот факт, что значения цвета и физического признака у данных прилагательных является первым и базовым. Возможно, также для выделения этих прилагательных как отдельного класса важна их корреляция с особыми глагольными породами и особой именной формой, проявляющейся также в аналитически образованных степенях сравнения. Вспомним принадлежность этих прилагательных к двухпадежному склонению, что также должно свидетельствовать об их выделенности среди других имен арабского языка. Другие прилагательные с подобными значениями не обладают всем набором этих свойств. При этом модель **فُعْلٌ/فَعْلَاءٌ/أَفْعَلٌ**, по которой образуются эти прилагательные, как мы могли заметить, была достаточно продуктивна и употребительна, по крайней мере, в классический период арабского языка.

Историческое развитие семантики прилагательных осуществлялось через дифференциацию первичного синкретичного «светоцветового» признака, развитие которого вызвало появление оценочного семантического компонента, предопределившего их современную полисемантическую, с опорой на этимологические словари мы выявили первичные значения исследуемых прилагательных, и нашли исходную точку для их семантического развития. Изучение исторической семантики данных прилагательных демонстрирует первоначальную значимость семы «светящийся» и отражение ими на раннем этапе развития языка синкретичного «светоцветового» признака. Историческая семантика привела к дифференциации синкретичного значения древних праформ и предопределила полисемантическую слов.

Мы упоминали, что среди рассматриваемых прилагательных встречаются случаи отклонения от нормы при образовании форм множественного числа и (реже) женского рода (под отклонениями от нормы мы в данном случае понимаем выбор иной модели; варианты выбора другого гласного в случае со вторым слабым радикалом или выбора другого слабого в случае с третьим слабым радикалом - **جيدٌ - أجيدٌ** «с красивой шеей», **أخيفٌ** - **أحنى** «у кого один глаз голубой, а другой черный; с широким выменем», **حنياً** «выгнутый» мы не рассматриваем).

Таким образом, мы видим, что отклонения от нормы для рассматриваемых нами прилагательных достаточно редки (кроме того, модель **فُعْلَانٌ** в качестве множественного числа некоторыми учеными рассматривается как стандартная наряду с моделью **فُعْلٌ**). Тем не менее, следует обратить внимание на большое количество прилагательных с «прочими» значениями, для которых не приводится форм женского рода и/или множественного числа.

В современном литературном арабском языке новые обозначения, например, цвета образуются иначе – с помощью описанного весьма распространенного показателя **يُ-**: например, уже упоминавшееся **برتُقَالِيٌّ** «оранжевый» от **بُرْتُقَال** «апельсин», а также **بنَفْسَجِيٌّ** «фиолетовый» от **بنَفْسَجٍ** «фиалка» и пр. Однако, как справедливо замечает В.Фишер, эти новые прилагательные чаще обозначают цветовые нюансы. Впрочем, В.Фишер указывает на прилагательные цвета, встречающиеся в некоторых бедуинских диалектах и образованные по модели **أفعل**, которые не засвидетельствованы в древнем периоде арабского языка, то есть являющиеся новыми: **أدعس** «серо-зеленый», **أعطر < عطر** «цвета охры» (не очень ясная семантика арабского корня, ср. **معطيرٌ** «красно-бурая верблюдица с хорошо пахнущим потом (rotbraune Kamelin mit wohlriechendem Schweiss)»; в некоторых диалектах, в случае если первый радикал гортанный, модель формы мужского рода выглядит как **C1aC2aC3**), **أطوغ** «с белой лентой на шее (mit einem weissen Band am Nacken)» (ср. **طوق** «ожерелье (Halsband)» (во многих диалектах

литературному арабскому [ق] соответствует [g]), مُطَوَّقٌ «помеченный ожерельем (окольцованный голубь) (mit einem Halsband gezeichnet (Ringeltaube))», أَوْضِحُ «белый (верблюды и антилопы)» (ср. وَضِحُ «яркость, блеск», وَاضِحٌ «лучисто светлый, блестящий; сияюще белый»). Очень многие такие прилагательные цвета, в первую очередь обозначающие цветовые нюансы, могут относиться только к какому-нибудь конкретному животному: так, например, в говоре Этебе прилагательное arbey означает «черно-бурый с головой в белых пятнах» применительно к овцам (ср. в литературном арабском أَرْبَشٌ «1. Пестрый. 2. Покрытый всеми видами растений (земля)», то же значение применительно к козам выражается прилагательным غَيَا (أَغْيَا) (ср. в литературном арабском أَعْيَا «у кого вся голова белая». Вспомним, однако, изложенную мысль, что наличие в диалекте той или иной формы, не засвидетельствованной в литературном языке, не обязательно должно быть доказательством новизны этой формы.

То есть мы все же можем сказать, что описываемые нами прилагательные представляют собой отдельный класс «истинных» прилагательных арабского языка (т.е. отделяемый от класса собственно имен) (при этом, по-видимому, воспринимаемый как таковой на синхронном уровне) на основании перечисленных выше релевантных для такого выделения параметров.

Прилагательные группы «элатива/суперлатива», как мы могли увидеть выше, также составляют особую группу прилагательных арабского языка, и тот факт, что «сравнительность/превосходность» не являются их базовыми элементами значения, а также их принадлежность к двухпадежному склонению могли бы также давать нам основание включать их в число «истинных прилагательных». Но все же в этой группе, в отличие от прилагательных цвета и физического признака, находятся имена, образованные от уже имеющихся имен (различными способами образованных) по специальной модели (ср. كَبِيرٌ «большой» - أَكْبَرُ، حَسَنٌ «хороший» - أَحْسَنُ и пр.), так что их все же следует, хоть и с некоторыми

оговорками, считать особыми формами арабских имен – именами степени от всего, что можно сравнить по какому-либо признаку. (Однако существуют формы «элатива/суперлатива», положительные степени для которых не засвидетельствованы, напр., أَهْوَمُ «у кого голова больше (чем у другого) (qui a la te[te plus grande (qu'un autre))» – для корня هوم мы находим имя هامة «голова», но не находим имени со значением «имеющий большую голову». Впрочем, можно считать этот пример еще одной иллюстрацией того факта, что формы «элатива/суперлатива» могут образовываться не только от прилагательных, но и от существительных. Прилагательные же цвета и физического признака имеют, как правило, свою отдельную семантику и не образованы ни от каких других имен: даже при наличии других моделей с теми же значениями, мы не можем найти грамматического или синтаксического объяснения для образования таких «специальных» форм, поскольку они не оформляются иначе в предложении и не привносят нового элемента значения (в отличие от «элатива/суперлатива»). Возможно, дополнительным доказательством отличия прилагательных цвета и физического признака от прилагательных группы «элатива/суперлатива» является тот факт, что в диалектах арабского языка формы женского рода и множественного числа для суперлатива как правило, не употребляются, они воспринимаются как специальные именные формы, в то время как у прилагательных со значением цвета или физического признака формы женского рода и множественного числа сохраняются, и эти прилагательные воспринимаются как отдельные имена. Поэтому мы все же настаиваем на обособленности прилагательных этой группы от всех прочих имен.

В.Фишер в монографии, посвященной прилагательным цвета и физического признака, посвящает небольшую главу проблеме отождествления этих прилагательных и «элатива/суперлатива» как частей речи. В результате, пользуясь в первую очередь синтаксическим критерием, ученый показывает, что данные имена могут выступать в синтаксических позициях существительных, прилагательных и предикативов, то есть во всех

синтаксических позициях, присущих именам. Таким образом, мы снова видим, что наиболее существенным критерием для выделения той или иной группы имен в арабском языке является морфологический.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руководящая литература. Труды Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова

- 1.1. Каримов И.А.. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т.2. – Т.: «Узбекистан», 1996.
- 1.2. Каримов И.А. Родина священна для каждого. Т.3. – Т.: «Узбекистан», 1996.

2. Книги и монографии

- 2.3. Айюб Р.С. Двойное членение частей речи в языках с развитым морфологическим строем (на материале арабского и русского языков). Москва, 2001.
- 2.4. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Москва, 1996 (I-II).
- 2.5. Белова А.Г. Историческая морфология арабского языка. Москва, 1994.
- 2.6. Белова А.Г. Очерки по истории арабского языка. Москва, 1999.
- 2.7. Гиргас В. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.
- 2.8. Гиргас В.Ф., Розен В.Р. Арабская хрестоматия. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1876.
- 2.9. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. Москва, 1972.
- 2.10. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 1998. 2-е изд.
- 2.11. Кариев У.З. Словообразование имен существительных и прилагательных в современном арабском литературном языке. Москва, 1966.
- 2.12. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. Москва, 1986. 2-изд.
- 2.13. Лундин А.Г. Степени сравнения прилагательных в семитских языках / ВЯ 1980, 3.

- 2.14. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Москва-Ленинград, 1945.
- 2.15. Мишкурое Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. Курс лекций. Москва, 1978.
- 2.16. Мишкурое Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. Курс лекций. Часть II. Москва, 1979.
- 2.17. Мишкурое Э.Н. Алжирский диалект арабского языка. Москва, 1982.
- 2.18. Мишкурое Э.Н., Рауфова А.Г. Морфологический строй современного арабского языка. Ташкент, 1992.
- 2.19. Наумкин В.В., Порхомовский В.Я. Очерки по этнолингвистике Сокотры. Москва, 1981.
- 2.20. Полосин В.В. Словарь поэтов племени ‘абс VI-VIII вв. Москва, 1995.
- 2.21. Плунгян В.А. Общая морфология. Москва, 2000.
- 2.23. Пурцеладзе Н.Н. Очерк по исторической поэтике (символ-формула в арабской поэзии). Тбилиси, 1990.
- 2.24. Редькин О.И. Аравийские периферийные диалекты (диалект Хадрамаута). Санкт-Петербург, 1999.
- 2.25. Рыбалкин В.С. Арабская лексикографическая традиция. Киев, 1990.
- 2.26. Суник О.П. Общая теория частей речи. Москва-Ленинград, 1966.
- 2.27. Фролов Д.В. Классический арабский стих. Москва, 1991.
- 2.28. Фролова О.Б. Поэтическая лексика арабской лирики. Ленинград, 1984.
- 2.29. Цуканова В.Л. Особенности фонологии и глагольной морфологии кувейтского диалекта арабского языка (рукопись). Москва, 2001.
- 2.30. Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Ленинград, 1965.
- 2.31. Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Ленинград, 1968.
- 2.32. Части речи. Теория и типология. Москва, 1990.

- 2.33. Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. Москва, 1961.
- 2.34. Шарбатов Г.Ш. Русско-арабский учебный словарь. Москва, 1979.
- 2.35. Шарбатов Г.Ш. Арабско-русский учебный словарь. Москва, 1982.
- 2.36. Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. Москва, 1995.
- 2.37. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Москва, 1985. (3-е издание; 1-е издание – 1928.).

3. Научные статьи

- 3.38. Айхенвальд А.Я., Милитарев А.Ю. Ливийско-гуанчские языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. 2. Кушитские языки, ливийско-гуанчские языки, египетский язык, чадские языки. Москва, 1991.
- 3.39. Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи. // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990.
- 3.40. Алпатов В.М. Принципы типологического описания частей речи. // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990.
- 3.41. Долгопольский А.Б. Кушитские языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. 2. Кушитские языки, ливийско-гуанчские языки, египетский язык, чадские языки. Москва, 1991.
- 3.42. Дьяконов И.М. Аккадский язык. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991.
- 3.43. Жирмунский В.М. Происхождение категорий прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении. // Известия ОЛЯ АН СССР. 1946, 3.
- 3.44. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации. // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Ленинград, 1968.
- 3.45. Леонтьев А.А. Фиктивность семантического критерия при определении частей речи. // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Ленинград, 1968.

3.46. Порхомовский В.Я., Столбова О.В. Чадские языки. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. 2. Кушитские языки, ливийско-гуанчские языки, египетский язык, чадские языки. Москва, 1991.

3.47. Серебренников Б.А. Секторная структура языка и проблема частей речи. // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Ленинград, 1965.

3.48. Тестелец Я.Г. Наблюдения над семантикой оппозиций "имя/глагол" и "существительное/прилагательное" (к постановке проблемы) // Части речи. Теория и типология. Москва, 1990.

3.49. Титов Е.Г. Амхарский язык. // Языки Азии и Африки. Том IV, кн. I. Семитские языки. Москва, 1991.

4. Диссертационные работы

4.50. Дурново Г.А. Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке (с привлечением сравнительного материала семитских языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2011.

5. Литература на иностранном языке

5.51. Al-mu'jamu l-yamaniyyu fi l-lugati wa-t-turati hawla mufradatin xassatin mina l-lahjati l-yamaniyyati Mutahammaru 'all l-'iryanI. Dimasqu, 1996.

5.52. Dictionnaire arabe-frangais de A. de Biberstein-Kazimirski. T. I. Paris, 1846.

5.53. Dictionnaire arabe-frangais de A. de Biberstein-Kazimirski. T. II. Paris, 1860.

5.54. Barth J. Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen. Hildesheim, 1967.

5.55. Bennet P.R. Comparative Semitic Linguistics. A Manual. Winona Lake, Indiana, 1998.

5.56. Beyer K. Die aramaischen Texte vom Toten Meer. Gottingen, 1984.

- 5.57. Brockelmann C. Arabische Grammatik. Leipzig, 1953.
- 5.58. Brockelmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Hildesheim, 1966. (2-е изд.; 1-е изд. - 1908-1913.)
- 5.59. Conti G. Studi sul bilitterismo in semitico e in egiziano. 1. Il tema verbale N1212. Firenze, 1980.
- 5.60. Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago, 1991.
- 5.61. Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // *Studies in Language* I:1, 1977.
- 5.62. Dixon R. M. W. Adjectives // R. E. Asher (ed.) *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Vol. I. Oxford - New York, 1994.
- 5.63. Erwin W.M. A Short Reference Grammar of Iraqi Arabic. Washington, 1963.
- 5.64. Fischer W. Farb- und Formenbezeichnung in der Sprache der altarabischen Dichtung. Wiesbaden, 1965.
- 5.65. Fischer W. Grammatik der klassischen Arabisch. Wiesbaden, 1972.
- 5.66. Fischer W. Classical Arabic // *The Semitic Languages*, ed. R. Hetzron. London - New York, 1997.
- 5.67. Fleisch H. Traite de philologie arabe I. Beyrouth, 1961.²³ Fox 1996 Fox J. T. Noun patterns in the Semitic languages. Cambridge, Massachusetts, 1996 (dissertation).
- 5.68. Gai A. The category "adjective" in Semitic languages. // *Journal of Semitic Studies* XL/I, 1995.
- 5.69. Gaudefroy-Demombynes M. et Blachere R. Grammaire de l'Arabe Classique. Paris, 1952.
- 5.70. Hudson G. Amharic and Argobba // *The Semitic Languages*, ed. R. Hetzron. London - New York, 1997.
- 5.71. Wehr H. Der arabische Elativ / Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Abhandlungen. Mainz - Stuttgart, 1952/1953.

- 5.72. Wierzbicka A. What's in a Noun? (How do nouns differ in meaning from adjectives?) / Studies in language. 1986, 10.
- 5.73. Wright W. Lectures on the Comparative Grammar of the Semitic Languages. Amsterdam, 1966.
- 5.74. Wright W. A Grammar of the Arabic Language. Beirut, 1974.
- 5.75. الدكتور عماد حاتم. اللغة العربية. قواعد و نصوص. طرابلس، ١٩٨٢.
- 5.76. الشيخ مصطفى الغلاييني. جامع الدروس العربية. موسوعة في ثلاثة أجزاء، بيروت، دار الكتب العلمية، ٢٠٠٠.
- 5.77. عباس حسن. النحو الوافي. القاهرة، دار المعارف بمصر، ١٩٦٠.
- 5.78. فؤاد نعمة. ملخص قواعد اللغة العربية. القاهرة، ١٩٨٩.
- 5.79. أنطوان الدحداح. معجم قواعد العربية العالمية. مكتبة لبنان. بيروت، ١٩٩٢.
- 5.80. أبو الطيب عبد الواحد بن علي اللغوي. كتاب المثني. دمشق، ١٩٦٠.

6. Информационные ресурсы. Интернет

- 6.81. www.africa-union.org
- 6.82. www.arab.net
- 6.83. www.arableagueonline.org
- 6.84. www.ivran.ru
- 6.85. www.xadis.ru